

Исай ДАВЫДОВ
1 Я ВЕРНУСЬ
ЧЕРЕЗ 1000 ЛЕТ

@ЭЛИТА

16+

Исай Давыдов
Я вернусь через тысячу лет. Книга 1
Серия «Я вернусь через тысячу лет», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142303
Исай Давыдов Я вернусь через 1000 лет. Книга 1: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013
ISBN 5-89396-087-4

Аннотация

На расстоянии почти 100 световых лет от Земли обнаружена почти точная её копия – планета Рита. На освоение планеты межзвёздными рейсами перебрасываются отряды добровольцев, и во многом это является полётом в один конец. Проблему обустройства жизни земной колонии усложняет то, что на планете есть аборигены, находящиеся на уровне каменного века. Земные колонисты стремятся сотрудничать с аборигенами, но не всё получается так, как планировалось. Трагедии возникают и на другой планете, где одно из диких племён начинает истребительную войну против землян, убивая, прежде всего женщин, которые прибывают на планету супружескими парами.

Остающиеся без женщин мужчины создают дестабилизацию в небольшом сообществе землян. И поэтому молодые вдовцы один за другим уходят в «боги» # просветители диких племён. Оказывается в такой ситуации и главный герой романа – Сандро, прибывшего на Риту с третьим звездолётом переселенцев...

Содержание

Лента первая. Родина	6
1. Мой первый космос	6
2. Женька	11
3. География чужой планеты	14
4. Таня	16
5. Праздник Первого снегопада	21
6. Разрыв	25
7. Лина	29
8. Мы – счастливчики	34
9. Али	37
10. Бирута	44
11. Отец	50
12. Мама	55
13. Сорок минут в ионолёте	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Исай Давыдов

Я вернусь через 1000 лет. Книга 1

Я шагаю по изумительно красивой земле гигантскими шагами. С поляны на поляну. С одного берега реки – на другой. Я шагаю по зелёным лесам и сине-стальным озёрам, пересекаю длинный извилистый, как норвежские фиорды, залив и иду над голубым морем.

Впереди – огненная полоса заката. И над ней, как мрачные горы, – тёмные, лиловые тучи.

Это не южное море. Это северное море. Холодное море. Потому и закат тут вполнеба. Я иду над морем на закат. И поднимаюсь всё выше и выше.

Вот уже и тучи подо мною. И я легко перешагиваю с одной на другую.

Они сверху вовсе не тёмные, эти тучи. Они светлые, серебристые.

Не зря англичане в старину говорили: «У каждой тучки – серебряная изнанка».

Я шагаю по тучам, и надо мною плывут лёгкие, совсем уже белые облака, до которых не дотянуться – слишком высоко они.

Я ухожу всё дальше и дальше от той, первой своей жизни, в которой было много радости и много горя.

Я молод. У меня крепкие руки и сильные ноги, и мускулы – как камни.

По существу, я ещё мальчишка, но у меня седые волосы, и я видел столько, что этого хватило бы, наверное, на три полные жизни.

Я видел свою прекрасную родину, невообразимо далёкую, совершенно недостижимую теперь. В наш век не всем выпадает такое великое счастье. Уже многие тысячи, сотни тысяч людей рождаются, живут и умирают, так и не побывав на своей родине. А я, как сейчас, вижу улицы громадного родного города и свою школу на окраине, и поросшие лесом Уральские горы за ней.

Туда для нас нет возврата. Никто ещё не возвращался отсюда туда.

Я видел бесконечность. Настоящую бесконечность, а не тесный обжитой мирок Солнечной системы. Не всем дано видеть это. Даже в наше космическое время.

И я узнал другую жизнь, полную опасностей и горя, неведомых на моей родине.

Мы сами выбрали себе такую жизнь. Нам не на что жаловаться.

А теперь я ухожу и из этой жизни. И скоро она может показаться лёгкой и прекрасной. Потому что впереди – худшее.

Я не хотел бы уходить в неизвестность. Но так сложилось...

Вначале мы уходили в неизвестность все вместе.

А теперь уходим по одному. Это труднее.

Вот и мой черёд...

Я шагаю и шагаю по тучам на закат. Как дух. Как «бог».

Но я не дух. У меня крепкое земное тело. И всё земное нужно ему. И долго будет нужно.

И пока я не «бог». Мне ещё предстоит стать «богом»...

Когда уходишь в другую жизнь, надо забыть всё прежнее. Говорят, так легче.

Но пока я не могу забыть. И может, никогда не смогу.

Мне ещё долго идти по тучам. Я буду перешагивать через острова и заливы, через леса и плоскогорья незнакомого материка.

Пока что он далеко впереди, этот материк – громадный и неизвестный.

На нём сотни диких племён. А может – тысячи?

И которое из них – моё?

Я ничего не знаю о них, кроме того, что они – есть!

Там, на этом материке, я стану «богом».

Никогда не был «богом». И какой из меня «бог» получится?

Ведь в школе нас этому не учили...

Мне ещё очень долго шагать по тучам. Наверно, успею вспомнить всю свою первую жизнь – с того самого дня, когда эта зловеще прекрасная планета потребовала от меня первой жертвы. Всю жизнь, как в древнем кино – лента за лентой, кадр за кадром...

Лента первая. Родина

1. Мой первый космос

Мне девять лет. Я сижу в столовой нашей квартиры. Столовая у нас очень большая. Но когда собираются гости, здесь бывает тесно. Так много гостей. И почти все – учёные. Потому что папа – тоже учёный. Он работает в Уральской Академии наук и пишет толстые книги. Я не раз листал эти книги, но ничего не понимаю в них. Все буквы и цифры знакомые, и много знакомых слов, но больше незнакомых. И, главное, смысл непонятен.

Папа говорит, что мне нужно двенадцать лет учиться, чтобы начать разбираться в его книгах. А я уверен, что буду разбираться в них уже через три года, когда в шестом классе мы закончим изучать неорганическую химию и начнём органическую. Папа пишет как раз про неё – про органическую химию.

Но папа не только пишет. Он связан со многими заводами мира, и часто уезжает на заводы, и целая полка в его кабинете завалена образцами различных пластмасс, составы которых разрабатывал папа.

В столовой у нас одна стена белая. Это большой телевизор. В других комнатах есть маленькие – такие белые окошечки в стенах. В моей комнате телевизор настроен только на детские программы. А когда я хочу смотреть взрослые – иду в столовую.

Вот и сегодня я тут. Потому что улетает от Земли самый большой космический корабль. Таких ещё не было. В нём двести человек и всякие мастерские, заводы, вездеходы на гусеницах, колёсах и на воздушной подушке. В нём речные катера и свёрнутые дирижабли, маленькие транспортные ракеты и разобранные вертолёты.

По существу, это не корабль, а целый город. И он полетит очень далеко. К зелёной планете Рита, на которой живут первобытные люди.

Об этом корабле и об этой планете в последнее время много говорили и по радио, и по телевидению.

Открыли планету давно, ещё когда я не родился, и долго спорили: посылать или не посылать туда людей. Решили посылать и стали строить космический корабль.

Строили его на Третьей космической станции. Потому что она самая большая. Но даже она оказалась мала для такого корабля, и её пришлось расширять.

Теперь корабль улетает. И это будут показывать по телевидению. Вообще старты космические показывают редко. А старта большого космического корабля я ни разу не видел. Я специально ушёл из интерната, чтобы посмотреть этот старт дома, спокойно, чтобы никто не мешал. В интернате ребята перед телевизором наверняка будут галдеть, прыгать, толкаться, и я что-нибудь пропущу. А пропускать нельзя ничего. Потому что я стану астронавтом. И для этого надо знать всё о космических кораблях, об их стартах и вообще о космосе.

...Вот сейчас издали показывают всю Третью космическую станцию и корабль, прижавшийся к ней.

Я знал, что он не меньше самой станции. Но такого не ожидал.

Он напоминает дельфина, этот корабль. Громадного дельфина с длинными треугольными плавниками. Он возвышается над плоским кругом космической станции, как гора возвышается над каким-нибудь горным озером.

Корабль – серебристо-зелёный. А станция – серебристо-белая. И глядеть на них очень интересно. Как будто перед тобой две красивые большие игрушки.

– Сегодня вы увидите старт космического корабля «Рита-один», – произносит за экраном спокойный густой мужской голос. – Двести юных астронавтов, двести молодожёнов улетают сегодня с нашей планеты навсегда...

Я не очень внимательно слушал то, что говорил диктор. Любой мальчишка в нашей школе знал всё это. Потому что полёт готовился долго, и было много споров.

А теперь взрослые об этом уже не спорят. Теперь спорят мальчишки. О том, кто будет командиром корабля – Аркадий Резников или Михаил Тушин. У нас в классе образовались даже две партии. Одна за Резникова, другая – за Тушина. Я – за Тушина. Потому что он родился в космосе, и ещё мальчишкой, вместе с родителями, открывал планету Рита. И ещё потому, что планета названа так в честь его матери. Его мать погибла там. Это её звали Рита...

А многие ребята – за Резникова. Потому что он считается лучшим пилотом космоса и провёл в нём ровно половину своей жизни – двадцать три года из сорока шести. И открыл не одну планету, а пять, и ещё одну новую «чёрную дыру». Правда, на открытых им планетах первобытных людей не было. И вообще не было жизни. Но ребята, которые за него, говорят, что он же в этом не виноват...

Резников, Тушин и их жёны летят вместе с двумя сотнями молодых астронавтов. И среди этих двух сотен – сын Резникова и дочь Тушина. Правда, они поженились не друг с другом, как все в нашем классе хотели бы. Они поженились с какими-то другими молодыми астронавтами, и нас это сначала очень огорчило. Но потом мы решили, что огорчаться не стоит – всё равно они летят вместе, на одном корабле. Какая разница, кто на ком женат?

Только Женька Верхов, наш староста, самый толстый и самый высокий мальчишка в классе, никак не мог примириться с тем, что сын Резникова и дочь Тушина поженились неправильно, и всё говорил и говорил об этом. Его уже и не слушал никто. Но он не понимал.

В конце концов я сказал ему:

– Да перестань ты об этом, Женька! Неужели не видишь: никому это не интересно!

Он метнул на меня сердитый взгляд больших коричневых глаз и даже отвёл руку – хотел замахнуться. Но вдруг остановился – видно, дошло. И тихо, даже растерянно ответил:

– А ты, кажется, прав, Сандро. Надо замечать, что интересно и что не интересно людям.

Похоже, он потом долго думал над этим. Над чем?..

...По телевизору всё ещё показывают Третью космическую, и видна поблёскивающая ниточка троса, который соединяет станцию с Землёй и по которому поднимаются сюда кабины космического лифта. Потом по широким белым палубам станции аппарат всё ближе и ближе подъезжает к кораблю «Рита-1».

Сейчас корабль уже не кажется мне дельфином. Он кажется гладкой зелёной горой, которая поднимается вверх и уходит за края экрана.

– Почти сто световых лет отделяют нас от планеты Рита, – говорит диктор. – Сорок лет по ракетному времени будет идти туда корабль. Но наши астронавты прилетят молодыми. Даже ещё более молодыми, чем сейчас. Потому что большую часть пути они проведут в анабиозе. И за время сна их организмы помолодеют на полтора года. Но спать астронавты будут не всю дорогу. По три с половиной месяца каждому из них придётся вести корабль.

Я смотрю на экран, слушаю диктора, и думаю о том, что никогда-никогда не узнаю, как станут жить наши астронавты на планете Рита. Даже не узнаю, долетели ли они туда. Потому что время у них и у нас будет разное. Потому что когда они подлетят к планете Рита, я стану пожилым человеком. А пока на Землю придёт первое их сообщение, здесь пробегут два с лишним века. И я не проживу столько – в наше время не принято столько жить. Потому что к двумстам годам человек становится беспомощным.

Всё это очень грустно. Но надо привыкать. Я ведь тоже стану астронавтом. И может, время для меня пойдёт совсем не так быстро. И может, я тоже улечу когда-нибудь с Земли со скоростью света...

...Телепередача уже ведётся из корабля. Видны длинные узкие коридоры, и частые двери кают по сторонам, и крутые белые лестники.

Вот одна дверь открывается. И на экране – каюта, маленькая, тесная, с двумя койками у стен.

В этих каютах будут спать астронавты. И в этих же каютах они будут жить первое время на планете Рита. Пока не построят себе дома.

Всё на корабле тесное, маленькое. И кают-компания – тоже. Потому что в ней никогда не будет собираться больше восьми человек. Астронавты будут нести вахту в дороге четвёрками. И когда очередная четвёрка отдежурит, она отогреет и разбудит следующую, а сама уснёт и замёрзнет.

Зачем же делать большую кают-компанию?

Астронавтов на корабле не видно. По коридорам и лестнкам торопливо ходят монтажники. А астронавты пока на станции. Они придут на корабль, когда с него уйдут все остальные.

И всё-таки одно просторное помещение на корабле есть – рубка. Сейчас её показывают по телевизору, и я вижу, что сотни разных приборов ровными рядами расположены на её стенах. И среди этих приборов – громадный белый прямоугольник главного экрана.

– Ну, Алик, как тебе нравится корабль? – Папин голос вдруг слышится за моей спиной. Я оборачиваюсь. Даже не слышал, как папа вошёл в комнату.

– Очень нравится! – говорю я. – Вот бы на нём побывать!

Папа садится рядом, обнимает меня за плечи и тоже смотрит на экран.

– Может, ещё побываешь, – говорит папа.

Он, конечно, шутит. Ему и в голову не может прийти, что эта шутка способна стать пророчеством.

Но хотя я и понимаю, что это шутка, почему-то кажется, что шутит отец грустно.

– Где уж! – Я качаю головой. – Они сейчас улетят!

– Через шесть лет полетят другие... Строится новый корабль.

– Где строится? – кричу я и думаю: «Вот это новость! Вот ребята ахнут, когда я скажу!»

– Пока на Земле, – отвечает папа. – А потом будут собирать в космосе.

– Почему же не говорят об этом по радио?

– Сегодня скажут.

– А астронавты знают об этом?

– Конечно! – Папа улыбается. – Они будут ждать.

Я люблю, когда папа улыбается. Он особенно красив тогда. Он и так красив – высокий, светловолосый, сильный. И глаза у него почти всегда озорные. Как будто хочет улыбнуться и сдерживается. Но когда улыбается – сразу видно, что ещё и добрый.

– Пап, – спрашиваю я, – а после второго корабля ещё полетят?

– Да.

– И много?

– Много! Корабли будут всё больше, и отправлять их будут всё чаще.

Наконец я вижу на экране, как монтажники один за другим выходят из корабля. Значит, скоро появятся астронавты.

Они и на самом деле появляются быстро. Идут по белым коридорам космической станции – все в зелёной одежде: зелёные брюки и зелёные рубашки с карманами.

Они идут весело, и улыбаются в объективы телекамер, и некоторые машут рукой, а некоторые что-то кричат. Они знают, что их видит сейчас вся Земля, видят и друзья и родные.

Наверно, им очень радостно сейчас, этим парням и их жёнам. Как я завидую им! Как хочется идти среди них, и улететь вместе с ними, и, уходя, вот так же махнуть всей Земле сразу!

Почему-то я думал, что Михаил Тушин и Аркадий Резников с жёнами будут идти впереди.

Но их не видно. Впереди идут парни и девчата, и за ними – тоже, а кто в середине – не разберёшь.

Может, Тушин и Резников не здесь? Может, они давно на корабле?

Астронавты проходят по коридору, и я вижу их сбоку, потом сзади – они уходят всё дальше и дальше, а затем включают телекамеру, которая установлена возле входа на корабль, и я вижу, что они поднимаются по широкой лестнице и исчезают в большом, как ворота, люке.

И вот уже они расходятся по коридорам, хлопают дверями кают, набиваются в тесную кают-компанию. Кажется, корабль прямо гудит от их топота, от их голосов.

Но почему-то я вспоминаю о том, что планета Рита – почти такая же, как Земля, и что на этой планете астронавтов будет очень мало. Всего двести! Каких-нибудь десять классов!.. Ну что такое десять классов нашей школы для всей Земли? Что они могут сделать на целой планете? Даже если будут работать всю жизнь, они построят один город. Всего лишь один город!

Сколько же кораблей должно улететь с Земли, чтобы астронавты смогли по-настоящему помочь первобытным людям той планеты?

...Вот, наконец, появился на экране Михаил Тушин. Он, конечно, на корабле, и даже не в рубке, а в своей каюте – такой же тесной, как и остальные. И рядом с ним – жена. Вся Земля знает, что её зовут Чанда, что она дочь астронавта Кришны Чатта, и тоже родилась в космосе, на том же корабле «Урал», где и Тушин. Их родители вместе открывали планету Рита. И это была последняя планета, которую они видели. После Риты они шли прямо на Землю. Но до Земли не долетели – умерли от старости. Потому что не спали в полёте. Их корабль не был оборудован для этого. Он очень давно ушёл с Земли. Тогда ещё не умели оборудовать космические корабли для анабиоза. И теперь маленькие ракеты с телами родителей Тушина и Чанды носятся где-то в космосе. А на Землю их корабль привёл уже Михаил Тушин. И она была для него такой же новой неизведанной планетой, как и планета Рита. Хотя всё-таки не такой. Потому что всю жизнь он читал на корабле книги о Земле и смотрел земные фильмы. Так что немало знал о планете, отправившей в космос его корабль, название которого давным-давно стёрло с обшивки космической пылью.

...– Мы с Аркадием разделили обязанности, – говорит Тушин с экрана, и серые спокойные глаза его мигают – видимо, от непривычно сильного света, зажжённого телеоператорами. – Резников будет выводить корабль за пределы Солнечной системы. А я поведу его, когда подойдём к системе семьсот тринадцатой звезды. Я неплохо помню её планеты и их спутники. Да и магнитопрограммы нашего «Урала» сохранились.

Их «Урал» – старый, но ещё надёжный корабль. До сих пор он ходит в космосе. Но уже только в пределах Солнечной системы.

Однако, хотя он и «старичок», мне всё равно приятно, что назван он «Уралом», и что прочно вошёл в историю космонавтики.

Потому что я очень люблю свой Урал.

Мне всего девять лет, но я уже немало поездил по Земле. Ибо умею не мешать родителям.

Наверное, если бы я им мешал, они оставляли бы меня в интернате, как оставляют родители других ребят. И тогда я не увидел бы ни японских островов, ни жаркой северной

Австралии, ни Пиренеев, ни суровой холодной Огненной Земли, где папа с мамой вкалывали в научном центре целый год, и куда я летал к ним на каникулы.

Почему-то дома я совсем не думаю об Урале. А в поездках думается. И чем дольше поездка, тем думается больше. На Огненной Земле за месяц всё надоело, даже океан, и я стал проситься домой.

А папа всё смеялся и спрашивал:

– Каким же ты, Алик, будешь астронавтом? Залетишь к Сириусу и начнёшь нить: хочу домой?..

– В космосе не ноют, – объяснил я. – А сейчас ну что тебе стоит отправить меня?

...Телекамера всё движется и движется по кораблю «Рита-1», и на экране появляются новые коридоры, и крутые белые лесенки, и блестящие лифты.

А потом я опять вижу покатуя серебристо-зелёную спину звездолёта над ослепительно белым кругом Третьей космической станции.

Коридоры её теперь пусты. И лестница, ведущая к корабельному люку, тоже пуста. И на моих глазах люк задвигается щитами, выходящими из стен корабля. Они движутся медленно, закрывают люк плотно, затем на них напоззает толстая серебристо-зелёная плёнка, и вот уже не видны даже границы люка.

А потом сдвигаются стены коридора Третьей космической, и лестница, по которой поднимались астронавты, больше не ведёт никуда. Она упирается в белую стену, и непонятно, для чего она тут вообще стоит.

С шумным свистом выпускают воздух присоски, соединявшие станцию и корабль в одно целое. Они висят теперь в космосе каждый сам по себе. Просто рядышком.

Наконец объявляют старт, и корабль отходит от белого круга медленно, как пароход от пристани, и тогда становятся видны длинные и узкие язычки пламени, которые вырываются из-под треугольных плавников этого громадного зелёного дельфина.

Он отчаливает от станции на малых, маневровых двигателях, и лишь через тысячи километров сможет перейти на основную тягу.

Он так медленно и плавно уходит в темноту, что кажется, будто ему просто не хочется уходить от Земли.

Может, потому так кажется, что темнота очень велика? Она надвигается на меня, начисто вытесняет с экрана белое пятно космической станции, и вот уже ничего не видно на чёрном экране, кроме маленьких огненных кружочков. Они всё уменьшаются, уменьшаются, сливаются в один кружочек, а затем становятся просто светлой точкой.

И эта маленькая подвижная точка быстро теряется среди миллионов ярких неподвижных звёзд.

2. Женька

Мне тринадцать лет, и я считаю себя почти взрослым. А взрослые должны сдерживаться, когда им обидно, и должны казаться совершенно безразличными, когда ничего не могут исправить.

...– Так ты не сердись, Сандро! – Женька Верхов дружески хлопает меня по плечу, и сквозь тонкую ткань куртки я чувствую, что его крупная ладонь горяча и влажна.

– Ты же понимаешь, я не хотел ни обидеть тебя, ни обделить, – задушевно и мягко добавляет Женька. – Это вышло случайно, Сандро. Видимо, у тебя просто не праздничный доклад. А я такой же раб стихийных обстоятельств, как и ты. И не стоит грустить, дружище! По теории вероятности одному человеку не везёт подряд. Так что завтра твой черёд!

– С чего ты взял? – Я пожимаю плечами. – Я не сержусь и не грущу. Мне совершенно всё равно, когда...

К сожалению, кривлю душой. Потому что считаю себя почти взрослым и хочу казаться безразличным. Конечно, мне не всё равно. Конечно, было бы приятно сегодня. Нет, совсем не из-за этого городского сборника – шут с ним! Это для Женьки сборник, наверно, важен, потому что Женька всегда хочет выделиться. А для меня просто важен был сегодняшний день, важно было праздничное настроение, с которым я начинал бы доклад сегодня.

А теперь это настроение пропало. И теперь я начну доклад холодно и сухо. Уже знаю себя: такое настроение не вызовешь по заказу.

К этому докладу я готовился как к празднику. Потому что ещё осенью наш Марк Попов, учитель по истории космонавтики, пообещал, что я начну доклад двенадцатого апреля, в день, когда Земля будет отмечать трёхсотлетие гагаринского полёта в космос.

Марк обещал два урока подряд отдать мне. Ведь сейчас это самая бойкая тема: история открытия планеты Рита. Об этой планете снова, как и четыре года назад, шумит Земля. Потому что на орбите начался монтаж корабля «Рита-2». Он будет вдвое больше первого, и на нём улетят уже не двести молодых астронавтов, а четыреста.

Осенью я стал собирать материалы о планете Рита. Целую полку над моим столом заняли книги, которые удалось достать. Целый ящик в столе завалили микрофиши с других книг, которые достать не удалось. Ещё в одном ящике копились факсимильные оттиски, полученные из различных сетей бессмертного Интернета.

Я просто заболел своей темой. Старался собрать всё, что только можно. На первых порах собирание шло даже быстрее, чем чтение. На первых порах я скорее был коллекционером, чем исследователем.

А потом, месяц спустя, я стал понимать, что многие материалы просто не нужны, потому что повторяют друг друга.

В феврале Марк Попов провёл у меня дома полдня, просмотрел мои материалы, и потом ещё я показал ему куски из стереофильма, который готовил для доклада.

– Ты молодчина! – похвалил Марк. – Собрал больше, чем я мог предположить. Пожалуй, подкину тебе ещё один урок и сниму эту тему из своего плана. Хватит и того, что расскажешь ты. Так что рассчитывай на три урока. И не особенно увлекайся чужими пересказами. Первоисточники надёжнее.

И я рассчитывал на три урока.

Но вот сегодня двенадцатое апреля, и яркое солнце за окном беспощадно добивает последние остатки грязного, чёрно-серого снега, и занятия в школе окончились, и во дворе крепкие кулаки звонко бьют по мячу, а доклад я так и не начал. Зато сегодня делал доклад по космонавтике Женька Верхов.

Ещё неделю назад я даже не знал, какая у него тема. И не интересовался, потому что никогда не лезу в дела своих товарищей, если они сами об этом не попросят.

А Женька знал о моём докладе многое. Потому что часто выпрашивал меня. Незаметно. Между прочим. Я даже не понимал тогда, что он меня выпрашивает. Только теперь дошло. А тогда это выглядело как вежливость, как внимательность. Я, конечно, отвечал ему, и порой обстоятельно – нечего было скрывать. Но потом где-то там, в небольших учительских кабинетах на восьмом, административном этаже нашей школы, кто-то решил, что мой доклад – не праздничный, что он не подходит к сегодняшнему торжественному дню.

Я не знаю, где и как это решалось. Знаю лишь результат. И сообщил его Марк Попов, позавчера, после занятий.

– Двенадцатого будет доклад Верхова, а не твой, – хмуро произнёс Марк, и мне показалось, что новость эта не очень-то радует его самого. Чёрные брови его вытянулись над переносицей в одну линию, что бывает, когда учитель сердится. Зелёные глаза его были напряжены и смотрели на меня жёстко, будто я в чём-то виноват.

Но я-то знал, что ни в чём не виноват. И знал, что он это знает. Потому что привык уважать Марка.

– А когда же мой? – спросил я. Спросил вроде бы лениво, безразлично, хотя и понимал, что учителя не может обмануть моё напускное безразличие.

– Через неделю. Со следующего урока начнёшь. – Марк произнёс это деловито и твёрдо, задвинул в стенной шкаф полку со стереопроектором и, не поворачивая ко мне головы, как бы между прочим, добавил: – Говорят, у тебя не праздничный доклад. Ты консультировался у кого-то?

– Нет! – Я удивился и замотал головой. – Кроме вас, никто не видел моих материалов.

– Тогда странно! – Марк пожал плечами. – Откуда же там знают, что у тебя в докладе?

Он показал головой наверх, где находилась учительская, и пульта управления кибернаставниками, и личные кабинеты всех учителей.

– Не знаю, – растерянно произнёс я. – Но это правда: я никому ничего не показывал.

Он, кажется, так и не поверил мне. Усмехнулся и «закруглил» разговор:

– Ну, да ничего! Подумаешь, на недельку позже!..

И я тоже решил, что ничего. Подумаешь! Жаль, конечно, настроение, но, видно, просто нельзя откладывать Женькин доклад. Такая уж у него тема!

И вот сегодня все седьмые классы нашей школы слушали Женьку. Он рассказывал, как люди праздновали День космонавтики все эти триста лет. Говоря по правде, он рассказывал интересно. И голос его, изменённый и усиленный микрофоном, звучал в зале солидно и внушительно.

Я, например, впервые услышал, что ещё в конце двадцатого века вожди одной восточной страны запретили празднование Дня космонавтики. Ракеты этой страны терпели аварии одна за другой, пилоты гибли, и, чтобы люди не вспоминали об этом лишний раз, День космонавтики был в стране официально запрещён.

В общем, Женькин доклад мне понравился. Я поздравил его на перемене. И другие поздравляли. И даже стало совсем не обидно, что перенесли мой доклад.

К концу дня по школьному радио сообщили, что во всём городе сегодняшние доклады старшеклассников о космонавтике были записаны на плёнку и через неделю выйдут отдельной книжкой. На память о трёхсотлетию праздника.

Услышав это, я ещё раз порадовался за Женьку. За то, что ему повезло. Приятно, когда везёт товарищу!

Но вот когда после занятий он подошёл ко мне с этим разговором!.. Когда стал не то извиняться, не то оправдываться... Когда его красивые карие глаза боялись встретиться с моими и старательно смотрели куда-то в сторону...

Как тут было не вспомнить, что он начал выпрашивать меня о докладе ещё с Нового года? Как было не вспомнить позавчерашний разговор с Марком? Ведь Женька только что, как и кто-то там наверху, назвал мой доклад «не праздничным»... Как не вспомнить, что мать Женьки Верхова работает в городском методическом центре и просто не могла не знать заранее об этом памятном сборнике? А уж у неё мог разведать и Женька. Иначе зачем бы его извинения?

И поэтому сейчас мне как-то стыдно за Женьку и стыдно за себя – за то, что я солгал ему, за то, что думаю об этой книжке, хотя вовсе не надо думать о ней. Я не рассчитывал на неё, и потому ничего не потерял.

«Ну, в конце концов – какая разница? – убеждаю я себя. – У Женьки на самом деле хороший доклад. И, действительно, не имело смысла читать его в другой день...»

И всё-таки отчего-то противно. Будто попал во что-то вязкое и непонятное.

Похоже, обстоятельства были не такими уж стихийными. И обидно, что всё это могло произойти из-за какого-то чепухового памятного сборника.

Что же случится, когда появятся причины более серьёзные?

Но я же почти взрослый! А взрослые не показывают, когда им обидно.

– Ты не мучайся, Женька! – Я говорю это почти весело и дружески хлопаю по полному рыхловатому плечу, которое намного выше моего плеча. – От случайностей никто не гарантирован! И, главное – мне всё равно, когда... Важно, чтоб за доклад было не стыдно...

Мне только тринадцать лет. И я уверен, что всё в этот день сделал правильно, по-взрослому.

3. География чужой планеты (Из записей к докладу)

Планета Рита в системе семьсот тринадцатой звезды по каталогу Фриче была открыта космонавтами космического корабля «Урал», возвращавшимися к Земле.

По размерам, яркости и силе излучения семьсот тринадцатая звезда примерно соответствует Солнцу, но моложе Солнца почти вдвое. В общем, звезда класса G-2.

Обнаружили её в середине двадцать первого века у самого краешка газопылевого облака. Оно её прежде и заслоняло... Но в конце концов пути их разошлись, и звезда выглянула. А в конце века её внесли в каталог Фриче. Ни в каталоге Коллиндера (середина двадцатого века), ни в более древнем «Новом общем каталоге» (NGC, конец девятнадцатого века) этой звездой и не пахло.

Планетная система её невелика – шесть планет. Рита – вторая. Остальные планеты необитаемы. На двух из них есть очень бедная кислородом атмосфера и небогатая растительная жизнь.

Расстояние Риты от звезды всего на полтора миллиона километров меньше чем расстояние Земли от Солнца. Размеры почти соответствуют земным. Окружность по экватору – тридцать пять тысяч семьсот километров.

Спутников у планеты нет.

Величина суток на Рите – двадцать два с половиной часа. Полный оборот вокруг звезды длится четыреста семнадцать местных суток. Значит, год всего на двадцать семь суток больше земного.

Ось вращения планеты почти перпендикулярна к плоскости вращения. Такого наклона, какой имеет земная ось, у планеты Рита нет. И поэтому на ней нет смены времён года.

Жители планеты не знают, что такое зима, весна, лето и осень. Климат в различных зонах постоянен. Переменчива лишь погода. Размеры полярных шапок должны почти не меняться. Но зрительных подтверждений этого нет, ибо «Урал» слишком недолго был на орбите.

На этой планете много воды и тепла. Суша её не сконцентрирована такими громадными материками, как на Земле. Поэтому практически нет пустынь. Размеры самого большого материка чуть меньше Австралии. Самый маленький по территории почти равен Мадагаскару. Но материков много: пятнадцать. И все отделены друг от друга в основном не проливами, а морями.

Кроме того, на планете Рита очень много островов. На фотографиях и плёнках можно различить более шестисот одних только крупных островов – не меньше земной Ямайки.

Разумеется, такая раздроблённость суши должна замедлить общий прогресс человечества, ибо затруднено общение между народами.

Вполне возможно, что под полярными шапками планеты тоже скрыты материки или, по крайней мере, острова. Астронавты не исследовали полярные зоны.

Экватор планеты пересекают лишь два из пятнадцати материков. Остальные расположены севернее и южнее. Самые благоприятные условия для жизни!

Население планеты сосредоточено пока в экваториальном поясе и в субтропиках. Севернее и южнее субтропиков наши астронавты не встретили ни одного первобытного человека, хотя и видели следы стоянок. Видимо, в прохладные зоны обитатели планеты заходят редко и ненадолго.

Атмосфера на Рите – точно такая же, как и на Земле, и наши астронавты могли ходить там без скафандров. За всю историю земной космонавтики это первый и пока единственный случай полного совпадения земной атмосферы с атмосферой другой планеты.

Астронавты «Урала» спускались почти на все материки и на пять крупных островов планеты. На восьми материках и трёх островах были обнаружены люди, уровень жизни которых примерно соответствовал уровню жизни пещерного человека на Земле. Каменные и костяные орудия, луки и копья, одежда из звериных шкур, неумение возделывать землю – вот что было характерно для всех племён, обнаруженных астронавтами.

Лишь одно островное племя в северных субтропиках разводило больших птиц и приручило животное, похожее на земного яка. Это животное, видимо, давало немного молока и перевозило тяжести, когда люди меняли стоянку.

Однако и это самое цивилизованное племя ещё не знало ни колеса, ни металла. Бронзовый век ещё не наступил на планете Рита.

Большинство племён встретило земных астронавтов резко враждебно.

Причины этого остались неизвестными.

Впрочем, земляне впервые встретились в космосе с первобытным человеком, и допускают, что подобное отношение аборигенов к неведомым пришельцам вполне естественно для человека эпохи палеолита. Он не способен понять, откуда появились пришельцы, и может увидеть в их появлении только опасность для себя, ничего больше.

Почти все встречи с племенами астронавты сняли на стереоплёнку. Фильмы были размножены на Земле и в своё время передавались по телевидению, а копии хранились в каждой городской фильмотеке.

Но о фильмах – позже. Последний раз я просматривал их уже в космосе, в другой ленте своей жизни...

4. Таня

– А ты так можешь?

Таня плывёт «бабочкой». Её тонкие белые руки мелькают над водой, она быстро уходит от берега, и я удивляюсь, как легко плывёт она этим трудным стилем.

– Конечно, могу! – кричу я и бросаюсь в воду, и тоже плыву короткими сильными взмахами.

Знаю, что надолго меня не хватит. Я хорошо плаваю «кролем», а «баттерфляй» ещё трудноват. Но разве сейчас можно признаваться в этом?

Плыву изо всех сил, и чувствую, что сейчас, вот прямо через два-три взмаха, надо переходить на привычный и лёгкий «кроль», и делаю ещё шесть или семь взмахов, и снова думаю, что уж теперь-то больше чем на два последних взмаха, меня не хватит.

И вдруг вижу, что Таня, забывшись, приближается к расплывшейся полосе, которая отделяет светлую подогретую воду от тёмной холодной.

– Назад! – дико кричу я. – Назад, Таня!

Она слышит, резко поворачивает, и я, успокоившись, ложусь на спину, жадно глотаю воздух и затем медленно, лениво взмахивая руками, плыву к берегу.

Потом мы с Таней сидим на мостках, греемся на солнце и молчим. Я молчу сердито. Таня молчит виновато. Потому что она обещала не подплывать к границе холодной воды. Для Тани это опасно: она совсем недавно болела.

Вода капельками стекает по Таниной спине. На тонкой её шее висят выбившиеся из-под голубой шапочки мокрые слипшиеся завитки русых волос. Эти завитки кажутся мне такими беззащитными, такими детскими, что хочется гладить их и целовать тонкую шею под завитками.

Я делаю робкое движение к Тане, но она как бы давно стережёт его и сразу отстраняется.

И снова мы молчим. Только теперь Таня молчит сердито, а я молчу виновато. Потому что тоже обещал не пытаться её целовать, пока сама, первая, не поцелует меня.

– Не буду больше купаться, – вдруг тихо говорит Таня.

– Почему?

– Так. Устала.

– Тогда я тоже не буду!

– И зря!

– Без тебя неинтересно.

– А если бы меня вообще не было?

– Ну... тогда, наверно, я даже не умел бы плавать...

Таня молча улыбается. Может, вспоминает, как в третьем классе я учил её плавать «кролем» и лежать на воде. Она тогда почти не умела. Меня же отец научил этому в пять лет.

А теперь Таня плавает намного лучше. Потому что всерьёз занимается в спортивной секции. А у меня на это нет времени. Спорт для меня – всего лишь отдых. И кратковременный. Но никак не занятие.

Мне давно не хватает времени на многое, чем увлекаются ребята. В классе над этим тихонько посмеиваются и за глаза зовут меня «Чипом». Это придумал Женька Верхов. Он умеет прилепить прозвище. Но я равнодушен к нему. И это, кажется, злит Женьку.

– Ты бы выключил термолуч, – говорит Таня. – Чего зря жечь?

– Верно. Сейчас...

Я натягиваю кремниоловые чулки, поднимаюсь и иду берегом вверх по реке – туда, где на невысоком обрыве стоит серый ящик. Из ящика бьёт на воду сильный тепловой луч.

И вода под ним кипит широкой полосой – почти до середины реки. Кипяток, смешиваясь с холодным весенним течением, образует в реке широкую светлую зону, которая захватывает наши мостки.

В этой зоне вода тёплая – больше двадцати градусов. Хотя всего неделю назад схлынули ранние в этом году полые воды. В такой воде можно купаться даже Тане. Но без термолуча, который доверил мне отец, и думать нельзя было о том, чтобы залезть сегодня в лесную речку. Потому что сегодня первый по-настоящему тёплый, почти летний день. В такое время у нас купаются лишь в школьном бассейне. Или в районном.

Но до чего же они надоели, эти тесные и мелкие бассейны с обязательной морской водой и обязательным «горным солнцем»! До чего хочется обычной, пусть даже более скромной, но зато не искусственной природы!

К тому же в бассейнах всегда много знакомых, и невозможно остаться наедине. И Тане там в голову никогда не придёт поцеловать меня.

А здесь, на Пышме, никого больше нет. Мы одни на реке, и до ближайшего посёлка – три километра. И если бы не отцовский вертолёт, кибер-пилот которого много лет назубок знает эту дорогу, нам ни за что не добраться бы сюда так быстро.

Здесь удивительно хорошо! Особенно летом или в сентябре, когда мы прилетаем сюда с мамой и папой. Это наше место. И мостки здесь отец построил. И в двадцати шагах отсюда, в пластмассовом ящике под старой сосной, сложены наши палатки, и котелки, и надувные матрасы, и надувные катамараны.

Давно я хотел показать это место Тане. Но прошлым летом её не было в городе, а осенью отец ещё не отпускал меня одного в вертолёте, считал маленьким.

Теперь, кажется, не считает...

Сегодня рано утром, когда я ждал Таню возле вертолёта на крыше нашего дома, мне думалось, что уж здесь-то, в этой безлюдной лесной глуши, Таня обязательно поцелует меня.

Но вот уже полдня прошло, и теперь ясно, что дело вовсе не в том – где...

Я возвращаюсь к Тане с горячим ящиком термолуча. Надо бы сразу отнести его в вертолёт – а то ещё забуду! – но боязно нести такой горячий. Пусть остынет...

Снова сажусь на мостки и вдруг чувствую холодный ветер с воды. Пока работал термолуч, ветра не было. А Тане он совсем некстати.

Поднимаюсь, иду на берег за одеждой и накидываю на худенькие розово-белые Танины плечи свою походную электрокуртку. Я специально взял её, для Тани. Потому что она всегда упрямо одевается чересчур легко.

– Спасибо, Шур, – говорит Таня и натягивает куртку поплотнее.

Почему-то все зовут меня по-разному. Дома – Аликом, ребята в школе – Сандро, учителя – Сашей. Таня вот придумала этого «Шура». И никто не зовёт Александром. Какое-то несчастное имя!

– Шур... – тихо произносит Таня.

– Что?

– Я почему-то думаю сейчас об этом наборе добровольцев. На Риту. Смогла бы я? Ведь навсегда!

– Ты не так думаешь!

– А как надо?

– Отобрали бы меня? Попала бы я в «Малахит»?.. Знаешь ведь, как легко туда попасть!

– Знаю.

Все знают. В нашем классе немало говорили о новом наборе добровольцев на Риту, который был объявлен в апреле. Этот набор проводится по всем школам мира. В выпускных классах.

Вчера сообщили по радио, что записались в добровольцы уже больше двух миллионов. Где-то даже целыми классами.

А отберут всего две тысячи. И на два года эти счастливчики уедут в лагерь «Малахит», где их будут готовить к жизни на Рите. И из этих двух тысяч полетят всего четыреста.

Наверно, многие из оставшихся поедут работать на Марс, на Венеру или на спутники Сатурна, и будут раз в пять лет прилетать в отпуск домой. Ещё человек сто могут отобрать в специальные школы астронавтов-пилотов. А остальные вернутся домой, пойдут в обычные институты, и будут только вспоминать годы в «Малахите», да хороших ребят, разлетевшихся по Галактике.

Но и в эти две тысячи как попасть? Уж нашему городу привилегия... И «Малахит» под боком, и климат на Урале примерно такой, в каком предстоит жить на Рите. Но всё же в первом наборе из нашего города были лишь шесть человек. Шесть – на пятьсот городских школ!

А полетели двое.

Сколько же земляков отберут нынче в «Малахит»? И кто из них улетит на Риту? Может, никто?

А Таня ещё рассуждает, сможет ли она! Я вот смогу! Но возьмут ли?

Впрочем, до этого ещё три года. И не из каждого выпуска набирают. Мы можем просто не попасть в тот выпуск. Никто пока не знает, когда пойдёт на Риту третий корабль. Даже мой отец не знает, хотя последние годы работает в основном для этих кораблей – синтезирует особо прочные пластмассы. У него уже есть три пластмассы, которые прочнее титана и гафния. Детали из них отливают сразу готовыми. А какой-нибудь крошечный заусенец приходится срезать лазером. Потому что больше нечем.

И вот даже отец не знает, когда уйдёт в космос «Рита-3».

Отец считает, что так и надо, что жёсткие сроки в таком деле устанавливать недопустимо, потому что они могут обернуться страшной бедой, даже гибелью людей в космосе.

Когда-то, в далёком прошлом, жёсткие сроки принесли немало бед, ибо из-за них многое делалось кое-как, торопливо и потом неизбежно переделывалось. А ведь ушедший с Земли космический корабль не переделаешь!

Может, в прошлые века и был какой-то смысл в жёстких сроках, даже какая-то необходимость. Сейчас трудно судить. Но у нас такой необходимости нет. И поэтому аварии в космосе стали событием редчайшим. Космические корабли сейчас готовятся к рейсам идеально. Жёсткие сроки не висят над людьми.

... – А ты решил лететь на Риту? – спрашивает Таня.

– Конечно!

– Но ведь это навсегда!

– Ну и что?

– Так легко? По-моему, ты просто не понимаешь слова «навсегда»!

– Почему? Понимаю!

– Что-то я сомневаюсь... И ты мог бы улететь без меня?

Я молчу. Просто не думал над этим. Как-то само собой разумелось, что мы всё время будем с Таней, и, если придётся лететь, полетим вместе. Ведь я люблю её!

Однако не зря же она спрашивает! Конечно, она не струсит, но её просто могут не взять, она болела. А в космос посылают только идеально здоровых.

А я? Неужели я могу улететь без неё? Навсегда?

– Нет, Таня! – Я мотаю головой из стороны в сторону и чувствую, что у меня холодеют губы, потому что это страшная клятва: я всегда выполняю свои обещания. – На Риту я не полечу без тебя! Только вместе!

– А если разлюбишь?

– Тогда тебе будет всё равно. Но я не разлюблю.

– А ты испугался, Шур!.. – Таня усмехается. – У тебя даже губы посинели. Но ты не бойся! Я всё равно попаду в «Малахит»! Я страшно упрямая! Главное – самой решиться!

– Если бы всё от тебя зависело!.. – Я почему-то успокаиваюсь, и уже смешит наивная самоуверенность Тани. Но я сдерживаюсь, даже не улыбаюсь. Таня может обидеться, если я улыбнусь. – Ты ведь знаешь, что по теории вероятности...

– Всюду-то ты её суёшь! – перебивает Таня. – И всюду она тебя подводит!

Наверное, я на самом деле слишком часто вспоминаю теорию вероятности. Но для Тани, кажется, важно не это. Просто она никак не может простить мне единственной своей плохой отметки за год. Получила её ещё в ноябре, но, похоже, всё помнит.

В тот день открылся центральный городской каток, и мы с Таней поехали туда, и там было так здорово, что я допоздна не хотел уезжать.

Мы мчались по громадному вогнутому, как гигантский рефлектор, кругу, и я всё время чувствовал плечом мягкое Танино плечо, и не выпускал из руки её узкую горячую ладошку. И казалось, что ничего лучшего не может быть в жизни. А кто же торопится расстаться с лучшим?

Таня всё рвалась домой, говорила, что даже не раскрыла историю, а я всё смеялся, и отвечал, что, по теории вероятности, её никак не могут завтра вызвать, потому что вызывали вчера и поставили лучшую отметку.

Таня тогда поверила теории вероятности, и мы катались до закрытия катка. А на другой день опрос по истории проводил кибер-наставник. В него не закладывают результаты учительских опросов. Он и не ведаёт о них. И поэтому он вызвал Таню и выставил ей на своей ленте низший балл. То, что такой же балл на той же самой ленте получил я, Таню не утешило. И вот с тех пор она не признаёт теорию вероятности. По крайней мере, в моём употреблении.

... – Мы что-то очень много думаем и говорим в последнее время о Рите, – вдруг замечает Таня.

– Мы с тобой? Или вообще?

– И мы, и вообще. Прямо поветрие!

– Ну, мы с тобой – понятно... Так сказать, результат тесного духовного общения. Всё-таки я целую зиму возился с докладом... А вообще – тоже понятно. Из того, что делается сейчас человечеством, это, пожалуй, самое отчаянное.

Прохладный ветерок с реки усиливается, и Таня зябко передёргивает плечами.

– Что-то я замёрзла, Шур... Пойду оденусь.

Она уходит в кусты одеваться, я тоже одеваюсь, и потом мы бредём по лесу – медленно, бесцельно. Хочется послушать, как шуршит под ногами прошлогодняя листва и потрескивает сухая хвоя, как поют птицы над головой, как лопаются набухшие почки. Ведь если остановиться в весеннем лесу и прислушаться, можно услышать, как лопаются почки.

Иногда я сбоку, недолго, но внимательно, гляжу на Таню, на её большие серые глаза в пушистых тёмных ресницах, на её чуть-чуть вздёрнутый нос, которого она, я знаю, почему-то очень стесняется, на её тонкую, какую-то удивительно беззащитную шею.

Я стараюсь глядеть на неё недолго и быстро отвожу взгляд, пока Таня не заметила. Но потом смотрю снова и снова.

Не могу не смотреть!

Я знаю, если Таня перехватит мой взгляд, она обязательно скажет: «Не гляди на меня так!» А я спрошу: «Как?» А она ответит: «Сам знаешь!» И нахмурится.

Но почему-то кажется, что она всё равно замечает мои взгляды и просто делает вид, будто не замечает. А когда ей это надоест, она и скажет: «Не гляди на меня так!»

Значит, надо, чтоб не надоело.

Мы бродим по лесу, отдыхаем на пеньках, подкрепляемся таблетками, которые взяли вместо громоздкой обычной еды. И рвём фиалки. И наконец Таня говорит:

– Может, вернёмся? Я что-то устала, Шур...

Мы возвращаемся к вертолёту, я включаю кибер-пилота, мы летим на запад и уже в сумерках опускаемся на крышу нашего дома.

Когда утихает мотор и останавливаются лопасти над головой, я распахиваю дверцы кабины. А Таня вдруг сильно сжимает мои пальцы и говорит:

– Спасибо, Шур! За сегодняшний день! Наверно, я буду помнить его всю жизнь!

И неожиданно притягивает меня и целует в губы. Сама! Первая!

Я хочу обхватить её и целовать крепко-крепко. Ведь она сама говорила, что когда она поцелует, можно и мне.

Но я обнимаю воздух. Тани уже нет рядом. Она мгновенно выскользнула из кабины и торопится по гладкой крыше к лифту. Даже не оглядывается.

5. Праздник Первого снегопада

На улицы и крыши нашего громадного города целый день сыплет снег. Он засыпал все коричневые листья в скверах, и хрустящие тонким ледком лужи на дорожках между домами, и мраморные трибуны на центральной площади. Он накрыл высокими древнерусскими шапками головы великих людей, навсегда застывших на гранитных постаментах. Он распластался бесчисленными белыми горностаями на ветвях деревьев.

Весь город в снегу. Снег идёт с утра и может идти так хоть целую неделю, потому что это первый настоящий зимний снегопад.

Для меня первый снег всегда был праздником. И для Тани – тоже. И поэтому сегодня вечером мы на улице, идём, не думая, куда, и ловим снежинки на горячие ладони.

Мы идём вдоль барьера, по неподвижной части тротуара, а внизу, под нами, бесшумно проносятся маленькие вёрткие разноцветные биолёты, и снег стремительно и пышно вылетает из-под них. Там внизу, на уровне подвальных этажей – проезжая часть центральных улиц. Там нет тротуаров – только узенькие рабочие дорожки вдоль стен, как в тоннелях. Там расположены все гаражи и стоянки, все подъезды к лифтам магазинов, театров и жилых домов.

А мы идём надо всем этим по тротуарам, которые давно стали балконами. Мимо нас торопятся люди. Куда-то спешат, идут даже по движущимся тёплым тротуарным лентам. Людям некогда.

Обычно и мы с Таней так спешим. Но не сегодня. Сегодня наш праздник: Первый снегопад. И по давней традиции мы так празднуем его: медленно и бесцельно бредём по улицам, по неподвижным лентам тротуара, которые ещё ни разу не прогревались нынешней зимой и поэтому пока что покрыты рыхлым, ослепительно белым снегом.

Завтра утром снега здесь не будет. Ночью автоматы включают ток, тротуары прогреются, снег растает и будет таять всю зиму, кроме двух новогодних дней. Только в день первого снегопада да в Новый год холодны неподвижные тротуары нашего города. Только три дня за зиму на них лежит снег. А в остальные дни, чтобы побродить по снегу, надо идти во дворы, в парки, или ехать за город.

Мы с Таней уже девятиклассники, и нам кажется, что мы совсем взрослые, и что самое главное о жизни знаем.

Ещё год назад мы твёрдо решили, что будем вместе всегда, всю жизнь, что бы с нами ни случилось.

Правда, когда ссоримся, Тане и мне кажется, что ссора – навсегда, что больше мы не помиримся, и что то, главное наше решение, никакого значения не имеет.

Но потом оказывается, что оно имеет значение, потому что мы миримся, не помним обид, и всё у нас идёт, как раньше.

В последнее время ссоримся реже. Я стараюсь уступать Тане, и вижу, что она тоже старается уступать. А когда видишь, что тебе уступают, зачем ссориться?

И всё-таки недавно мы опять поссорились, и только сегодня утром, на перемене, помирились. Нельзя было не помириться, ведь сегодня с утра шёл снег, сегодня наш праздник!

После той перемены мы ещё не успели толком поговорить, и поэтому я не знаю, что делала Таня всю неделю, пока мы были в ссоре. Наверное, ходила на концерты с другими мальчишками. Или уезжала с ними на биолёте в парк. Мне почему-то всегда кажется, что в те дни, когда мы в ссоре, она уезжает с другими мальчишками на концерты, в театры или в парк. У неё много друзей: и из спортивной секции, и из литературной лаборатории, которую она стала посещать с прошлого года. Кое-кого из этих ребят я знаю. Иных – только видел,

об иных лишь слышал от Тани. Потому что у меня по-прежнему нет времени бывать всюду, где бывает она.

Я даже знаю, что некоторые из ребят влюблены в Таню. Например, Олег Венгров – худощавый, с чёрными реденькими ни разу не бритыми усиками, гибкий и изящный, как кибер-манекен. Он учится в соседней школе, пишет стихи – вроде бы даже неплохие! – и многие из них посвящает Тане.

Конечно, это не доставляет мне яркого удовольствия, но терплю. Когда у тебя красивая и умная девушка, в неё обязательно влюбится кто-то ещё. И нужно научиться терпеть, если вообще хочешь быть с такой девушкой.

Впрочем, обо всех своих поклонниках Таня рассказывает. И довольно подробно. И именно это успокаивает меня и позволяет казаться безразличным. Если рассказывает, значит, они не опасны, и Таня просто хочет, чтобы я поревновал. Вот если перестанет рассказывать, тогда плохо...

Сегодня она пока говорит о пустяках, и ни слова о главном: чем жила эту неделю. Может, ждёт, что я спрошу?

Но ведь я не спрошу!

Однако вот и обычный вопрос:

– Тебе интересно, чем я занималась эту весёленькую неделю?

Дни ссор она почему-то называет «весёленькими».

– Что-нибудь похвальное?

– Читала.

– Ого!

– Смешно? А если я скажу, что читала твоего любимого Михаила Тушина?

– Ну, это несколько тебя оправдает... Всю неделю?

– С его книжки я только начала. Он заставил меня прочитать очень много!

– Значит, я люблю его ещё и за это.

Хорошо, что она читала. А не моталась по городу с мальчишками.

– Шур, хватит балаганить.

– Прости!

Я легонько толкаю Таню плечом, и она отвечает мне таким же толчком. Мы часто толкаемся так, когда уже до конца помирились.

– Между прочим, Танюш, после книги Тушина я тоже когда-то сразу прочёл очень много. Но всё о Рите. И ты?

– Как раз нет! Меня заинтересовали мысли Тушина о Земле. Он видел людей Земли не так, как мы. Он глядел на нас как бы из прошлого в будущее. Как фантасты. Он представлял себе Землю такой, какой её оставили его деды. А на Земле прошли столетия. Деды улетали в двадцать первом веке. Он вернулся в двадцать третий...

– И что тут особенного?

– На первый взгляд – ничего. На первый взгляд – мелочи. Но, если вдуматься, эта книжка начисто ломает иные привычные представления. Те, которые существовали веками! Самое интересное: Тушин нигде с ними прямо не спорит. Может, даже не знает о них.

Таня говорит горячо, и я люблю её, и не сразу соображаю, что надо что-то возразить. Для порядка.

– Я, правда, давно его читал, Танюш... Но не заметил никакой ломки. Обычная книжка астронавта. Хорошая! Страстная! У других – холодней. Ну... и вот эта особенность... Другие рассказывают только о полёте, а Тушин – ещё и о своей жизни на Земле. Но как раз это никого не волнует. Это мы и без него знаем. Все ищут в книгах астронавтов именно рассказ о полёте.

– А вот его рассказ о полёте и показался мне обычным! – Таня ещё горячится и взмахивает рукой. – Планета, конечно, интересная. Но рассказ о ней обычен. Необычно то, что он пишет о Земле! И как ты не заметил? Может, просто был ещё маленьким? Всё-таки два года назад... Искал, наверно, как все мальчишки, прежде всего подвиги и описания чужой планеты. Так?

– Может и так. – Я пожимаю плечами. Всё это становится забавным. – Давай дальше!

– Даю дальше! Тушин пишет, что довольно быстро вошёл в жизнь современной Земли. Ну, были ему непонятны некоторые наши обычаи, слова... Биолётами не умел управлять. И удивлялся, что у нас ими управляют дети... Но ведь это мелочи! Не этим определяется жизнь! К этим мелочам он быстро привык. Главное – его отношения с людьми. А он не чувствовал себя неполноценным. У него не было ощущения, будто он не понимает современных людей. Или они его. Удивлялся – часто. Но всегда – понимал! Ему всё время было интересно с людьми новой Земли и не хотелось скрыться от них. Не хотелось замкнуться в четырёх стенах или в кругу одних «уральцев». Он даже пишет, с этакой лёгкой иронией, что «уральцы», видимо, порядком надоели друг другу, и поэтому жадно общались с новыми людьми.

– Но что в этом особенного, Танюш? Это же естественно!

– Подожди, я не закончила!

– Извини!

– То-то. Так вот, что я сделала дальше... Я взяла книги, написанные людьми, которые встречались с Тушиным, жили с ним рядом, часто и подолгу с ним разговаривали. И с ним, и с Чандой, и с другими «уральцами». И все эти книги сходятся в одном: Тушин очень интересный собеседник, никто с ним не скучал, его не нужно было «развлекать» и подолгу объяснять простые вещи. Он понимал всё сразу, а развлекать отлично умеет сам. И другие «уральцы» – тоже. И при всём этом они очень много работали после возвращения. Им некогда было глазеть на Землю как на музей. Обкатывали материалы своей экспедиции, грызли гранит земной науки за два века. И сумели изложить свои находки так, что нам всё понятно и не кажется архаичным. Даже язык книги Тушина почти не архаичен, вот что удивительно! Он вполне вошёл в нынешнюю языковую струю... А их участие в создании «Риты-1»!.. Все принципы планировки и загрузки подсказаны ими!

– Ты и в это вникла?

– Пора привыкнуть к моей манере. Если уж браться за проблему, то в комплексе, со всеми окрестностями. Иначе что?

– Твоё самое презируемое: верхоглядство.

– Ну, мне иначе неинтересно... Короче, Шур, если бы Тушин не улетел, остался бы на Земле, он был бы, мне кажется, не из последних здесь.

– Я в этом никогда не сомневался.

– Зато другие сомневаются. Мол, астронавт, вернувшийся в другой земной век, обречён на комплекс неполноценности. И ты тоже повторил это в своём докладе о Рите. Помнишь?

– Было... Но ведь я излагал чужой спор. Это не мои мысли.

– Однако они и не возмущали тебя! Ты принял их как норму. А Тушин их разметал. Легко, спокойно... Дело в том, кто вернётся, какой человек. Один – отстанет. Другой – нагонит. Но чтоб отстать, не обязательно улетать в космос. Дураки, увы, никак не переводятся.

– Ты права. Это вечная проблема. Как любовь и смерть.

– Шур, я серьёзно.

– И я! Разве можно несерьёзно говорить о дураках? Каким же выводом ты их пригвоздила?

– Простым. Умный человек приспособится к любому веку и не будет лишним. О дураках же чего грустить? Они и в своём веке мешают. Да и не вернуться к нам дураки из космоса, потому что не попадут туда.

- Следовательно, проблемы нет?
- Ты толковый ребёнок. Но я ещё не кончила.
- Представляю, куда мы придём дальше.
- Терпи.
- Только ради великой цели...
- Какая же цель тебя вдохновляет?
- Надеюсь после лекции поцеловать тебя. Ждал целую неделю.
- А теперь зачем-то ждёшь конца лекции...

Шалея от радости, я притягиваю Таню к себе и целую её горячие губы, её глаза, её пылающие щёки. Она робко отвечает на мои поцелуи, а потом вдруг отстраняется.

- Ты с ума сошёл! – говорит она. – Кругом же люди!

Но люди спешат мимо нас по движущимся лентам тротуаров и, кажется, ничего не замечают. Никому до нас нет дела.

В нескольких шагах, за палисадником, я вижу террасу детского сада. На ней низенькие столики, горка санок. И никого нет. Терраса пуста и темна. И в окнах темно.

Я тащу Таню на террасу, отыскиваю на полу, возле барьера, санки, и мы садимся на них и снова целуемся. Теперь с улицы нас не видно. И мне опять, как когда-то давно, на городском катке, кажется, что лучше этого ничего в жизни быть не может.

Через полчаса мы снова идём по улице, и снова ловим пушистый снег горячими ладонями, и снова несутся внизу под нами низенькие обтекаемые, как капли, разноцветные биолёты.

Впереди, над высоким синим куполом Центрального концертного зала, пляшут разноцветные огни, впиваясь длинными языками в чёрное небо. Как будто гигантский костёр полыхает в ночи над домами. Огни пляшут ритмично, размеренно, и видно, что ими управляет чуткая нервная рука талантливого музыканта.

– «Марсианский прибор», – безошибочно определяет Таня, глядя на огни. – Они слушают в зале «Марсианский прибор». Наверно, Ричардс играет. Вроде его стиль. Правда?

– Возможно, – уклончиво отвечаю я. Не настолько я, к сожалению, силен в музыке, чтобы по цветовой гамме определять мастера. По звуку ещё отличил бы иного...

Пляшут в полной тишине над куполом зала длинные яркие огни, и каждый, кто глядит на них с улиц, слышит знакомую мелодию «Марсианского прибора» – модной сонаты нынешнего года. Она звучит над городом бесшумно, никого не оглушая и никому не навязывая свой бешеный ритм. Кто хочет – смотрит и слышит. Кто не хочет – не смотрит.

– А Тушин так и не понял нашей цветомузыки, – грустно говорит Таня. – Он привык к прежним незрячим мелодиям. На корабле у них не было других. Но ведь это не так уж и важно! Правда?

– Это просто обидно. Я всегда очень уважал Тушина. Он для меня герой, понимаешь? Главный герой моего детства. Но ты прости, Танюш...

- Куда ты опять меня тянешь?
- Посмотри, какое толстое дерево!
- Ну и что?
- За ним так удобно целоваться! Никто не увидит!
- Ты сумасшедший! Но я люблю тебя!

6. Разрыв

До чего обманчивы девичьи «люблю!». И даже «очень люблю!». И даже «совершенно не могу без тебя!».

До чего легко они сменяются таким же горячим «не люблю!», «оказывается, не люблю!», «люблю, но не тебя...». До чего легко!

Я был уверен, что на такое способен кто угодно, только не Таня! Больше чем себе, верил ей!

Конечно, мы ссорились иногда, но ведь все ссорятся. И даже при ссорах я ни разу не обижал её. Это немыслимо: обидеть Таню. Она для меня святая. И отлично знает это.

Почему же письмо? За что?

Может, я действительно неудачник, и прав Женька Верхов? Я назвал его тогда, зимой, подлецом. Негромко. Никто больше не слышал. Мы вдвоём говорили. А он отшатнулся и побледнел, и глянул на меня своими тёмными глазами бездонно и ненавидяще, и напропорочил:

– Ты просто неудачник, Сандро! Тебя всегда будут преследовать неудачи! И ты это понимаешь и потому завидуешь!

А я не завидовал – презирал его. Он выдал за своё изобретение то, что удалось найти мне – эти самые козмы, коробочки эмоциональной памяти, которые сделали его знаменитым.

Он, правда, не смог довести их до конца.

А я был близок к концу. Но всё бросил. Противно стало.

Таня тогда спорила со мной. Вовсю.

Мы бродили по хрустящему снегу парковых аллей, и она допытывалась:

– Почему ты молчишь? Почему громко не скажешь правду? Кончился бы этот кошмар!

– Не вижу кошмара.

– Но ведь тебя обокрали!

– Идея – не собственность. Кстати, это и не моя идея. Ты же сама подкинула мне книжку того фантаста. Двухсотлетней давности. Это его идея.

– Но ведь Женька знал, что ты работаешь... Он поступил нечестно, подло! И я, как дура, всё ему разболтала!

– Это дело его совести. И, пожалуйста, не называй себя дурой.

– Шур! А если я скажу всем то, что не хочешь говорить ты?

– Это будет уже совсем смешно!

– Обидно, Шур!

– Конечно, обидно, Танюш! – согласился я. – Но это не проблема жизни. Сделаю что-нибудь другое.

– Да ты просто доведи до конца козмы! Ему ведь не под силу сделать обратную связь – от коробочки в мозг. А ты сделаешь – и всё станет ясно.

– Вот этого не буду! Скажут, что я продолжил дело Верхова. Развил его открытие. Не хочу быть продолжателем дела Верхова.

– Для кого эти коробочки, Шур? Для него? Или, может, для одного тебя?

– Не надо демагогии, Танюш! Я всё понимаю. Если это станет необходимо человечеству, оно всё равно сделает. А я – не буду!

– Ты не решай сейчас! Потом решишь! Я заметила, ты с годами умнееешь.

Я расхохотался и сгрёб Танюшку в охапку, и закружил по аллее. Сквозь голые тёмные ветки деревьев на нас сыпалась твёрдая холодная снежная крупка. Через несколько минут и она завертелась, закрутилась, начала бить по лицам.

– Опять метель! – сказала Таня. – Скорей бы весна!

А я почему-то вспомнил о далёкой планете Рита, которую открыли астрономы «Урала». Там нет ни зимы, ни весны, ни осени. Всегда ровный климат – из года в год, из века в век. Скучно это, наверно! На Земле всегда чего-то ждёшь. Зимой – тепла. Летом – прохлады. Осенью – снега. Без ожидания – какая жизнь? А чего ждать на Рите?

Таня вдруг остановилась, обняла меня за шею и прошептала в ухо, прижимаясь горячей щекой к моей щеке:

– Я очень верю в тебя, Шур! Ты очень нужен мне! Я не могу без тебя! Люблю тебя очень-преочень!

...А теперь вот я читаю неумолимо короткое Танино письмо и внешне не верю ему. Оно кажется невероятным, неправдоподобным! Но где-то далеко, в глубине души, я ему поверил. И именно там, в этой непонятной глубине, нарастает душная тёмная тяжесть, и всё поднимается и поднимается, и вот уже весь я будто свинцовый и полузадушенный ею.

«Дорогой Шур! Я, наверное, никогда не решилась бы тебе сказать это, а сказать надо. И вот приходится писать. Как в старинных романах.

В самые последние дни я вдруг поняла, что мы не сможем быть вместе. Ты в этом не виноват, не мучайся. Виновата я.

Это получилось неожиданно, как стихия. Но, в общем, оказывается, я люблю не тебя, а Олега.

Подробности здесь ни к чему. Они ничего не меняют. И тебе не станет легче, если узнаешь их.

То, что случилось – очень сильно, очень серьёзно. И, значит, нам не нужно об этом говорить. Я уже вся принадлежу ему. Понимаешь – вся!

Знаю, тебе очень плохо сейчас. Но ничего не могу изменить. Ты пройдёшь через это и ещё будешь счастлив...»

Я читаю письмо снова и снова. И невольно ищу в нём хоть какой-то, хоть самый маленький проблеск надежды, хоть какую-то мягкость.

Нельзя же вот так, сразу!

Но проблеска нет. И мягкости нет. Письмо безжалостно.

И значит, Танина любовь – уже прошлое. То прошлое, которое всегда будет мучить меня. Тем, что оно прекрасно и невозвратно.

И самое ужасное – неожиданность. Ещё вчера вечером Таня была нежна, ласкова...

Правда, в последние дни она казалась мне странной, ушедшей в себя. Я видел, что она всё время напряжённо о чём-то думает, что-то решает. Впрочем, это я сейчас понимаю, что она решала...

Олега Венгрова я не видел давно, с осени. Мы учимся в разных школах и редко встречаемся. Как-то в октябре мне вдруг стало очень тоскливо вечером, и я пошёл встретить Таню. Она занималась в литературной лаборатории. Обсуждали они там чьи-то стихи и страшно кричали. Я очень тихо вошёл в маленькую полукруглую аудиторию и сел у самых дверей, и долго никто меня не замечал. Потом заметил Олег и толкнул локтем Таню. Она подбежала возбуждённая, раскрасневшаяся и очень громко спросила:

– Что случилось?

И вроде даже рассердилась, когда я сказал, что ничего. Вернулась на своё место, рядом с Олегом.

А мне было очень тоскливо. Наверно, потому, что Олег сидел рядом с Таней. Они, кажется, всё время сидели в этой лаборатории рядом. Олег очень давно влюблён в Таню, она сама говорила.

Когда вышли на улицу, Олег спросил:

– Ну, как тебе? Понравилось?

– Кричите много, – ответил я. – У нас в киберлаборатории тихо.

Он торопливо простился и ушёл, чтобы не мешать. Он всё отлично понимал, черноволосый уса́тый Олег, высокий и стройный. Он неглупый парень и не надоедал Тане своими безответными чувствами.

А теперь, если мы вдруг окажемся где-нибудь втроём – Таня, я и Олег, прощаться и уходить надо мне.

Впрочем, нет! Мы нигде не окажемся втроём! Таня счастлива. Такое безжалостное письмо может написать только очень счастливый человек.

А мне нужно привыкать к тому, что я один, что нельзя взять любимую за руку, обнять её, вызвать в любое время по радиофону. Раньше я мог вызвать Таню хоть ночью. Она сердилась, когда я будил её, но прощала. И сама будила меня, если что-то её мучило.

Сколько раз мы так мирились – ночью, по радиофону!.. Не могли уснуть, не помирившись.

Хорошо хоть, что она написала всё это в последний день и отдала письмо после последней проверочной беседы, когда остались всего часы до последнего собрания...

Сегодня вечером нам объявят не только результаты проверочных бесед. Скажут ещё, кого отобрали в подготовительный лагерь «Малахит», кто имеет шансы улететь на далёкую Риту.

В добровольцы мы с Таней записались в начале мая. Тогда две трети класса записались и, конечно, Женька Верхов с Ленкой Буковой. В последний год Женька всерьёз занимался спортом и стал мускулистым и сильным, хотя он по-прежнему высокий и полный, а таких не часто берут в астронавты. Лишний вес, лишняя еда и кислород – всё это кое-что значит для космических кораблей, где каждый килограмм под контролем.

Я никак не мог понять, почему записался Женька. Никакие блага нас на Рите не ждут. Там надо много работать, и трудно, по старинке. Потому что ребята, которые прилетят на двух кораблях до нас, немного успеют. Всего шесть лет отделяют один корабль от другого.

Женька, конечно, понимает это. Но если искренне хочет лететь, может, он не так уж безнадёжно плох, как я привык думать о нём?

Впрочем, никак не могу забыть древнейшую истину: единожды солгавши – кто тебе поверит?

А что, если в «Малахит» возьмут нас с Таней? И ещё два года мы будем там учиться рядом... Вдруг нас возьмут, а Олега – нет? Что тогда?

Наверно, ничего тогда... После такого-то письма!

...Я уже знаю, что ничего не удастся сделать в этот день. Ни почитать, ни поработать над браслетными радиофонами, к которым я вернулся зимой, когда забросил коробочки эмоциональной памяти.

Я уже знаю, что весь день буду думать о Тане, и завтра тоже, и послезавтра, и вообще до тех пор, пока не смогу улететь куда-нибудь далеко.

Хорошо бы нажать в себе какую-то кнопку и приказать: не думать о Тане.

Но нет такой кнопки.

Может, у людей будущего появится что-нибудь в этом роде? Может, время им будет настолько дорого, что они изобретут способ не убивать его на бесполезные переживания?

Я беру во дворе школы свободный биолёт, задвигаю дверцу, подключаю клеммы к вискам и молча приказываю киберу: «К Звёздному озеру. По шоссе. К пляжу».

Кибермозг биолёта записывает сигнал моих биотоков, и вспыхнувшая зелёная лампочка говорит, что можно отключить клеммы.

Теперь – хоть спи. Биолёт привезёт, куда надо. Его кибер знает все дороги в радиусе пятидесяти километров от центра города. Он выберет кратчайшую и установит допустимую

скорость, и избежит столкновения с другими машинами. И если только понадобится ехать дальше пятидесятого километра, тогда нужно подключать клеммы и давать команды.

А Звёздное озеро близко, на тридцать восьмом километре.

Мой биолёт медленно, лениво выкатывается на пухлых шинах со школьного двора, сворачивает за угол и ныряет в полутоннель ближайшей улицы. Здесь, под широкими балконами движущихся тротуаров, под ажурными мостиками, перекинутыми над проезжей частью с одного тротуара на другой, биолёт прибавляет скорость, и шины его приподнимаются и становятся высокими и узкими.

Машина идёт вдоль глухих стен подвальных этажей, мимо площадок, по которым можно съехать к стоянкам возле лифтов различных зданий.

Но вот кибер вырывает машину на середину трассы, затем к другому краю – и я слышу, как свистит ветер позади, и чувствую, что колёса биолёта оторвались от гладкого пластобетона и исчезли в «брюхе» машины.

Теперь она пойдёт на воздушной подушке до самого поворота к Звёздному озеру.

Когда-то там не было озера. Была зелёная долина между тремя горами. И ручеёк в долине. Я видел этот ручеёк в стереофильме, на уроке краеведения. А потом геологи нашли в глубине, под ручейком, большую реку. Горячую реку.

Её вскоре отвели к городу. Городам всегда не хватает горячей воды. А в долине поставили плотину, и образовалось озеро. Оно не замерзает даже зимой, в крутые уральские морозы. И зимой здесь купаются.

А летом озеро приходится охлаждать. Потому что иначе купаться в нём летом нельзя.

Сегодня я буду плавать в Звёздном озере. До полной усталости, до изнеможения. Буду плавать до тех пор, пока не придёт время ехать на вечернее собрание в школу, на последнее собрание нашего выпускного класса.

7. Лина

На пляже, конечно, полно народу. Жарко. Июнь на исходе. Один за другим подходят биолёты, и из них выбираются парни, девушки, какие-то галдящие мальчишки. Народ постарше, посолиднее – здесь с утра. Солидные люди в пекло не едут. Сейчас уже приезжают только такие, как я, случайно завернувшие. И, конечно, у них, как и у меня, нет с собой плавок, и приходится идти к раздаточным автоматам, и, по всегдашнему моему везению, у автоматов оказывается немало парней.

Я растерянно останавливаюсь, ищу глазами конец очереди и вдруг слышу своё имя:

– Сандро! Тарасов! Тебе взять?

Я даже не сразу понимаю, чей это голос. Знакомый голос. Но чей?

Потом вижу возле самого автомата чернобровое лицо Марата Амирова. Знакомый парень! Из четырёхста восьмидесятой школы. Правда, я его полгода не видел...

– Возьми, Марат! – кричу я.

– Одни?

– Да.

Через минуту Марат подходит с гладенькими зелёными плавками, которые все мы выкинем в переработку, уходя с пляжа. Плавки выпускаются специально для тех, кто забывает свои привычные и, конечно, более удобные.

– Надоели эти тихоходы-автоматы, – ворчит Марат. – Толкайся возле них!.. Вываливали бы прямо на полку!

– Тогда человека надо ставить! – строго замечает сбоку какой-то парень. – Ты пойдёшь сортировать плавки?

– Ещё чего! – Марат усмехается.

– То-то! – бросает парень и уходит к воде.

– Ты с ребятами? – спрашивает Марат.

– Один.

– Тогда пошли к нашим. У нас тут целый кагал.

Мы идём к кабинкам, в которых можно переодеться, и я интересуюсь:

– Как у тебя проверочные беседы?

– Вроде нормально, – отвечает Марат. – Сегодня вечером узнаем. А у тебя?

– Вроде тоже.

– На Риту записывался? – спрашивает Марат.

– Да. А ты?

– И я – да. Только ничего не выйдет, старина! Пойдём в институты. Говорят, мест пятнадцать нашему городу, не больше. Где тут попасть? Так что я морально готовлюсь в институт.

– На историка?

– Да. Твёрдо!

Когда-то Марат занимался в нашей киберлаборатории. Ещё в седьмом классе. Тогда у нас была одна лаборатория на три школы. Потом в четырёхста восьмидесятой создали свою. Но Марат уже не работал у них, ушёл к историкам. Почему-то его увлекли первобытные люди, и он летал с археологами в Мексику и в пустыню Калахари, раскапывал там какие-то могилы, собирал кости людей и черепки посуды.

Может, он тогда уже решил лететь на Риту, населённую дикими первобытными племенами? Потому и ушёл к историкам?..

Вообще-то я тоже ещё в седьмом классе решил для себя этот вопрос. Решил твёрдо: надо лететь. Потому-то и изучал целый год материалы об этой планете и делал потом о ней большущий доклад на трёх уроках по истории космонавтики.

Но из киберлаборатории я не ушёл. Понял, что без электроники не обойтись и там, на Рите. Ни нам, ни ритянам не обойтись без неё. И ритян ведь надо чему-то учить. И ритянам надо дать умные машины.

Да и немыслимо для меня: уйти из киберлаборатории! Тогда и жизнь не в жизнь!..

Зимой нам говорили на уроках истории об успехах Марата Амирова. Кажется, он нашёл во время экспедиций какие-то необычные кости и какие-то оригинальные черепки, и сделал из этого смелые необычные выводы. Меня никогда не тянуло к древним костям и черепкам, и потому я пропустил эти смелые выводы мимо ушей. Но запомнил, что наша учительница истории говорила о Марате с уважением. Даже с почтением. Видимо, ей самой отыскать такие черепки не посчастливилось.

А компания у Марата большая: трое парней, пять девушек. И все незнакомые. То есть лица-то мне знакомы. Всё-таки соседние школы! Десятки раз видел этих ребят и на улицах, и в магазинах. Но имён не знал.

Впрочем, мне и сейчас их не запомнить. Слишком много имён сыплется сразу. Но одно задерживается: Лина. И потому, что имя – не частое, и потому, что девушка смотрит на меня как-то особенно. Будто давно знает.

Она маленькая и пухленькая, Лина. Как колобок. И ручки пухленькие, и щёчки пухленькие, и ямочки на щёчках. Но колобок – симпатичный. И красиво улыбается. Просто глаз не отведёшь, так улыбается эта девчонка. Какая-то сказочная улыбка. И очень добрая. И очень бойкая.

Она вообще не из робких, эта Лина. Она не отстаёт от меня в воде, и, когда мы, наплававшись, ложимся на спину отдыхать, говорит:

– А я давно хотела с тобой познакомиться, Сандро.

– Разве ты меня знала?

– Тебя многие девчонки знают. Даже в нашей школе.

– Я просто потрясён такой известностью! И чем заслужил?

– Говорят, ты выполняешь все свои обещания.

– Бывает.

– Говорят – всегда.

– Ну, в общем-то, не помню, чтобы кого-то обманул.

– И другие не помнят. Вот этим и заслужил. Но ведь к тебе не подступиться, – продолжает Лина. – Сегодня впервые вижу тебя одного. Если, конечно, не говорить о магазинах...

– Теперь всегда буду один!

Даже не знаю, как это вырвалось. И вроде горько вырвалось.

Она молчит. Видно, думает: всерьёз я или нет. Потом её пальцы ловят в воде мою руку и сжимают. И только после этого Лина произносит:

– Ты не будешь один. Если, конечно, сам не захочешь...

«Вот это да! – думаю я. – Как всё, оказывается, просто! Неужели они все такие?»

Невольно вспоминаются слова из сегодняшнего Таниного письма: «Ты пройдёшь через это и ещё будешь счастлив».

А вот с такой буду счастлив?

А Впрочем, чем она хуже других?

Мы ещё долго плаваем рядом, но о главном больше не говорим. Ни слова. А когда выбираемся из воды, невольно держимся так, словно что-то уже решено. Держимся вместе. И, кажется, все замечают это и, удивившись, перестают замечать. Будто так и было всегда. Будто так и надо.

Когда мы уезжаем с озера, Лина всё ждёт, пока остальные рассядутся по биолётам.

– Уедем последними! – шепчет она. – Ладно?

Я вначале машинально киваю, и только потом доходит до меня, что она просто хочет остаться в машине со мной вдвоём.

Она всё рассчитала правильно: мы едем вдвоём. И, когда выбираемся на шоссе и передние биолёты с ребятами, разогнавшись, уносятся по воздуху вперёд, Лина трётся круглой мягкой щекой о моё плечо и закидывает голову, подставляя полуоткрытый, невероятно красивый рот.

«Что я делаю?!» – проносится в моём мозгу, но уже тогда, когда я целую этот рот.

Мы оба едем на вечерние собрания в свои школы. Мы оба выходим завтра в жизнь – и Лина, и я. Неужели мы выйдем вместе? Вот так просто, так невероятно быстро – и вместе? Но ведь я же ещё не люблю её! И не могу ещё любить! И вообще никого не могу! Зачем же – вместе?

Я гляжу вперёд на дорогу сквозь смотровое стекло, как будто от моей внимательности что-то зависит. Гляжу вперёд и думаю о Тане: где она сейчас, что делает, с кем она?

Лина отодвигается от меня и молчит.

Мне жалко её. Мне самому становится больно от того, что я причинил ей боль. Она же всё понимает!

– Куда ты собираешься после школы? – спрашиваю я.

– В училище промышленной эстетики. – Она отвечает спокойно, ровно, даже холодно. Потом, как бы что-то решив, улыбается и спрашивает: – А ты, конечно, записался на Риту?

– Конечно. А ты разве нет?

– Это не для меня. – Она вздыхает. – Там нужны спортивные девчонки. А с моей-то комплекцией...

– Неужели это важно?

– А ты думал!.. Туда девчонок как на конкурс красоты отбирают.

– Вот уж глупо!

– Мало ли глупостей делается на нашей старенькой Земле? Земля без глупостей – это вроде даже и не Земля. Но тебе, Сандро, эти «малахитские» красавицы не достанутся! Надеюсь, тебя не возьмут.

– Почему надеешься?

– Не хочу, чтобы тебя взяли! – Она глядит в мои глаза так откровенно, как никто и никогда не глядел на меня. – Ты очень давно нужен мне, Сандро! Ещё с тех пор, когда ты всюду ходил один. Без... своей Тани...

– Почему же ты тогда молчала?

– Тогда я считала, что девушка не должна... первая... Все мы в детстве так считаем.

– А теперь?

– Теперь мне всё равно! Теперь важно, что ты – рядом. Я так долго ждала! Я уже почти смирилась с мыслью, что этого никогда не будет...

«Чёрт знает что! – думаю я. – И вовсе не так всё просто. И вовсе она не такая... Что же у нас будет? Может, лучше бы нам и не встречаться? По крайней мере, для неё лучше...»

– Я позвоню тебе вечером, – говорит Лина, когда биолёт останавливается возле её школы. – Нам есть о чём поговорить, Сандро.

– А ты знаешь мой номер?

– Давно! – Она заливисто, звонко хохочет. – А мой – вот! – И вынимает из кармана узенькую, как мизинец, карточку с личным номером. – Звони в любое время! Всегда рада! Когда кончишь свой тедробраслет – запиши мой номер первым. Могу я просить о такой малости?

– Откуда ты знаешь о тедре, Лина?

– Я много чего о тебе знаю! Не думай, что всё это так... легко....

«Ну разве можно обидеть её? – спрашиваю я себя, глядя из биолёта, как Лина бежит к подъезду школы, будто катится. – Если она о тедре знает... И ещё много чего...»

Это наш рыжий Юлий Кубов, руководитель киберлаборатории, окрестил так браслетный радиотелефон, который я начал собирать ещё в седьмом классе, потом забросил из-за коробочек эмоциональной памяти и продолжил уже в десятом.

Очень уж неудобны наши карманные радиотелефоны, которые в двадцатом веке называли уродливым словом «мобильники». Носят их в карманах, в дамских сумочках, вешают на пояс, даже на шею. И всюду мешаются... Много в них наворочено – фотоаппарат, часы, телевизор, интернет... А чаще всего нужна только радиосвязь. Сколько аварий было из-за разговоров по радиотелефону при движении автотранспорта! Руль железно требовал двух рук! А одна из них часто держала радиотелефон...

С появлением биолётов стало полегче. Но и биолёт нередко требует двух рук на руле. И радиотелефон мешает.

И вот мне подумалось, что если надеть радиотелефон на руку – как часы! – и ограничить его только радиосвязью, можно решить много проблем сразу.

Юлий Кубов поначалу отнёсся к идее скептически.

– Часы человеку обязательны? – спросил он.

Я согласился.

– Не много ли на одну руку?

Я опять согласился.

– Подумаешь? – спросил Кубов.

– Подумаю, – пообещал я.

Решение пришло быстро. Полностью отказаться от часов в радиотелефоне. Переключить время на слуховые сигналы с ближайшей радиостанции. Один крошечный чип. Одна крошечная клавиша... Нажал – и слушай!

Кубов одобрил:

– Теперь у тебя может получиться. – Он задумчиво почесал за ухом – любимый жест. – Начиная сразу с крупных часовых корпусов. А потом постепенно ужимайся. Учитывая общую тенденцию к миниатюрности.

Анализируя наши идеи, Кубов обычно чесал за ухом. Словно там располагался его аналитический центр. Пока были мы малышами – посмеивалась и передразнивала его за спиной. Потом привыкли. Анализы его были точными, советы – практичными.

Внешне Юлий Кубов соответствовал своей фамилии: широкоплечий, невысокий, с мощными руками и как бы квадратным корпусом. Шагал он тяжело, монументально и делал всё основательно. Не любил переделывать то, что сделал сам. Однако нас учил переделывать изобретённое, не жалея времени. И каждый раз искать новые решения.

Как-то он спросил меня:

– Какую память собираешься ты подарить своему дитяти?

– Вообще-то у радиотелефона память на сто номеров.

– И записная книжка в придачу! – Юлий усмехнулся. – Иначе в них запутаешься. А практически сколько ты используешь? Ну, сколько у тебя друзей?

– Немного, – признался я.

– Вот и посчитай! Да папа с мамой. Да тройка интересующих тебя девочек... Сколько наберётся?

– Чуть больше десяти.

– Допустим – двадцать. Это с головкой. Телефоны друзей – и точка. Тедр!

Так родилось название.

Однако наручный радиофон долго вылезал из часового корпуса. Я вынес антенну в браслет, менял батарейки, дошёл до самых миниатюрных – слуховых, и тут надвинулись выпускные экзамены.

Теперь решалось главное в моей жизни.

Стало не до тедра.

Как уж Лина о нём узнала? Может, от Марата? Хотя и редко, но в киберлабораторию он заглядывал. По давней привычке. В отличие от Женьки Верхова, который вдруг утонул в истории живописи и про лабораторию вроде забыл. А вот доклад для старшеклассников сделал приличный. О русских «передвижниках» девятнадцатого века. Про которых я, со своим техническим уклоном, ничего раньше не знал.

Впрочем, славе талантливого изобретателя Верхова этот гуманитарный доклад не повредил.

...Исчезла Лина за дверями своей школы. У них тоже сегодня собрание выпускников.

Я подключаю клеммы к вискам, и биолёт медленно вырывается из границ квартала, поворачивает к моей школе.

8. Мы – счастливички

...На собрание Таня приходит спокойная, медлительная и, как ни в чём не бывало, по-прежнему садится рядом со мной.

– Здравствуй, Шур!

– Здорово!

Хочется куда-нибудь пересесть. Она сразу понимает это.

– Потерпи, милый! Не надо никому ничего показывать.

Конечно, она права. Начнут мирить... Хуже не придумаешь...

Только почему в глазах её слёзы? Жалко?

А вот этого мне не нужно!

И деваться некуда!

Результаты проверочных бесед я слушаю не очень внимательно. Мы с Таней всегда учились хорошо, и у нас просто не может быть плохих результатов. А будет у нас баллом выше или баллом ниже, какая разница? В институты нынче принимают не по баллам. В институты принимают по самостоятельным работам, которые выполняются в первый месяц учёбы. Сделаешь хорошую работу – примут. Не сделаешь – отложат на год.

Когда буду поступать в институт, возьму для самостоятельной работы обратную связь коробочек эмоциональной памяти – от коэмы к мозгу. От записи биотоков с жизненными впечатлениями до их воспроизведения в другом мозгу. То, что не доделал и не мог доделать Женька Верхов. У него записанные биотоки воспроизводятся на экране. У него это всего лишь холодные стереофильмы без съёмок. А должно быть сопереживание. Один записал в коэму то, что случилось, а другой зажал её в кулаке, и чувствует, что с ним происходит то же самое, что с автором записи. Ведь без этого коэмы – всего лишь занятная игрушка.

У меня эта обратная связь в принципе решена. Если целый месяц не заниматься больше ничем, сделаю. И хоть тошно снова браться за коэмы, для вступительной работы сойдёт.

А может, удастся к тому времени загнать тедр в стандартный часовой браслет?

И у Тани почти готова вступительная работа. Уже полгода Таня записывает на диктографе свои мысли о старинных утопиях, о фантастике прошлого и наших дней, об образе человека будущего в этой литературе. В столе у Тани целая стопа заметок. Наверняка из них быстро можно сделать вступительную работу.

Это увлечение фантастикой началось у Тани в девятом классе, после одной из наших ссор. Мы тогда неделю не встречались по вечерам, у Тани было необычно много свободного времени, и она прочитала книгу Тушина и десяток старинных фантастических книг, которые упоминал Тушин.

После той недели она и начала всерьёз изучать фантастику вообще, её историю, и увлеклась этим. И не раз говорила:

– А если бы мы тогда не поссорились, Шур? Так бы я и не занялась фантастикой?

...По инерции я думаю о том, что и как будет у Тани. Привык! И хотя теперь у меня нет на это права, мозг продолжает прежнюю работу.

...Кончают читать итоги проверочных бесед. Теперь должны объявить, кого отобрали в «Малахит». И потом банкет с великим изобилием фруктовых соков. Собрания у нас короткие...

– ... В «Малахит» из нашей школы поедут только двое, – объявляет директор. – Комиссия отобрала Евгения Верхову и Александра Тарасова.

Вот это да! Я? Неужели я? Ура!!

И Верхову! Почему, собственно? Ах, да... Он же юный гений... На Рите, конечно, нужны молодые гении.

Но тогда за что меня? Того не успел, другого не успел, славы не нажил... О том, что я делал, знает только Юлий Кубов. Да ещё, может, какие-нибудь тётки на выставке, где был мой первый тедр. На какую-то выставку Кубов его отправлял. Может, этого и достаточно? Кубов никогда ничего не обещает. Всё доброе он делает молча.

Впрочем, ладно! Сейчас не важно – за что. Взяли – и на том спасибо!

А Таню не взяли... Как просто всё решилось.

Интересно, а Олег?

– Из пятисот третьей школы кого-нибудь отобрали? – спрашиваю я.

– Никого, – отвечает директор.

Таня смотрит на меня громадными испуганными глазами.

В пятисот третьей учится Олег. Неужели она боялась, что я громко назову его имя?

– А всего сколько из нашего города?

Это спрашивает Лена Букова. И голос у неё дрожит. Что теперь будет у них с Женькой?

Впрочем, может, Женька ещё и не улетит? Может, и я останусь? Ведь только четверть тех, кого берут в лагерь, попадёт на корабль. Только шестьсот из 2400!

– ...Всего из нашего города взяли четырнадцать человек, – отвечает директор Лене Буковой. – Как видите, счастливичиков немного. Но всё-таки нам привилегия. Из других городов брали меньше. Сказывается, что наш город создавал «Малахит».

– Он подавал заявление? – тихо спрашиваю я Таню.

Она почему-то вздрагивает, но сразу понимает, о ком речь.

– Нет, – отвечает.

– Почему?

– У него что-то с ногой. Врождённое. Знал, что не возьмут.

– Он вроде не хромот.

– Но с трудом бегают. С большим трудом.

– Ну что ж... Желаю вам счастья.

– Спасибо, Шур!

У неё в голосе слёзы. Почему вдруг слёзы?

Ах да, это опять, наверно, жалость! Скорей бы уж всё кончалось! Уйти! Уйти!

Ребята шумно поднимаются из-за столов, обступают учителей, благодарят их.

Наконец-то!

Я тоже встаю, прощаюсь с Таней, крепко жму её руку.

Я не обижен на неё. Она была хорошим другом: нежным, заботливым, преданным. Наверно, невозможно быть лучшим другом, чем была она. Я был очень счастлив с ней. И долго – четыре года. Когда-нибудь они покажутся мне целой жизнью. Богатой. Полной. Прекрасной. И нужно быть благодарным за это. Таня ведь не обязана любить меня всю жизнь. И не виновата в том, что Олег оказался лучше. Это я виноват.

– Спасибо тебе за всё! – говорю я. – Всегда буду тебя помнить!

– Я тоже, – отвечает она очень тихо. – Также всегда буду помнить...

Я выхожу из школы один. Не хочется сейчас говорить с ребятами. Как бы на чём-нибудь не сорваться.

Всё кругом – знакомое, привычное, родное. И школа, и громадный школьный двор со спортивными площадками и футбольным полем, и наш белый пятнадцатизэтажный интернат рядом, и весь утопающий в зелени, очень старый микрорайон белых двадцати- и тридцатизэтажных домов.

Они даже сейчас не белые, эти дома. Они красноватые – в закатных лучах позднего июньского солнца. И сотни их окон, обращённых к солнцу, пылают ярче и ослепительнее, чем оно само.

Я здесь родился, здесь вырос, знаю каждую дорожку между домами.

Но всё это для меня в прошлом. Всё это скоро уйдёт куда-то назад и станет историей, а впереди будет другое, новое, неизвестное. И, может быть, далёкая планета, о которой я давно мечтал. Дикая, красивая и загадочная планета, на которой наши астронавты оставили одну могилу. Поклониться бы этой могиле прекрасной земной женщины, которая отдала своё имя чужой планете и осталась на ней навсегда!..

Я слышу вдруг, как зуммерит радифон, вынимаю его из кармана и подношу к уху.

– Тарасов слушает.

– Сандро, это я, Лина! Я уже всё знаю!

– Что всё?

– Что ты едешь в «Малахит»... У нас взяли только одного Марата.

– Марата взяли? – обрадованно кричу я в микрофон. – Правда? Как здорово!

– Ты, оказывается, ещё можешь чему-то радоваться... – медленно произносит Лина, и я вдруг слышу судорожный всхлип и затем щелчок.

Она отключилась, не договорив и обидевшись на меня. И потом, спустя много месяцев, мне иногда слышался этот судорожный всхлип и за ним механический щелчок в наушнике. И каждый раз я краснел и мучился и заново переживал своё свинство, хотя давно знал, что Лина всё поняла и простила меня. Только сам я себя простить не мог.

9. Али

Оказывается, это нелёгкое дело – свалить толстую старую сосну. Свалить так, чтобы она легла в нужную сторону, чтобы, падая, не прихлопнула нас и не обломила другие деревья и чтобы пенёк остался небольшой – не выше десяти сантиметров.

Али, стоя на колене, медленно, осторожно режет сосну лучом лазера. Луч проходит легко, свободно. Только едкий серый дымок поднимается вверх от линии разреза.

Но в том-то и беда, что луч режет сосну слишком легко. Трудно остановиться. Трудно точно рассчитать ту невидимую линию, от которой должен идти другой, более высокий разрез.

Впрочем, инструктор говорит, что это – дело привычки. Привыкнем – и будем валить сосны почти механически. Тем, кто улетел на Риту, тоже вначале было трудно. А под конец они вообще не считали это работой.

Али ещё немного продвигает по стволу генератор, затем выключает луч, встаёт с колена и вытирает тыльной стороной ладони пот со лба.

– Как? – спрашивает он. – Инаф?

– Довольно! – Я киваю. – Гив ми.

Он отдаёт генератор. Верхний разрез предстоит делать мне.

Али родился и вырос в Сирийском районе. Он не знает русского. Здесь, в «Малахите», многие не знают русского. Но зато все знают «глобу» – смесь английского и русского языков, которая родилась в двадцать веке в совместных полётах американских и русских космонавтов, родилась стихийно и стала расползаться по миру.

Учёные лингвисты поначалу смеялись над «глобой», потому что она создавалась вопреки многим законам грамматики. Пытались противопоставить ей эсперанто – язык, искусственно сочинённый в девятнадцатом веке. Но на эсперанто никто не говорил, а тем более космонавты. На эсперанто выпускались книги, которые никто не читал. А «глоба» звучала всё шире, хотя никто на ней не писал и ничего не печатал.

Наверно, и на Рите земляне будут поначалу говорить на «глобе». Просто не просматриваются другие варианты. И может, там этот «неправильный» язык станет наконец из разговорного литературным?

...Я веду верхний разрез по сосне так же медленно, как Али вёл нижний. И, видимо, увлекаюсь, потому что Али кричит:

– Инаф! Инаф!

Я и сам вижу, что довольно, и выключаю луч.

Мы глядим вверх, на сосну – не изменился ли ветер. Сосна уходит в небо величественно и стройно, и не верится, что сейчас она, поверженная, покорно ляжет у наших ног. И жалко её – она так горделиво уходит в небо. Как живая. А она уже – не живая. Она уже убита.

Али всовывает в дымящийся верхний разрез длинное остриё электроклина, включает аккумулятор, и мы быстро отходим от сосны.

Электроклин жужжит, вдавливаясь в дерево, расширяет разрез, и вот уже сосна начинает трещать и слегка наклоняется в противоположную от нас сторону. Электроклин жужжит всё сильнее, жужжание переходит в надрывный визг, а тот заглушается громким треском падающего гиганта.

Первая наша сосна лежит на земле.

До сих пор мы валили деревья только под наблюдением инструктора. А сейчас его нет на делянке.

Недалеко раздаётся такой же громкий, отчаянный треск падающего дерева. Это свалили свою первую сосну Женька Верхов и Ральф Олафссон, исландец.

Мы валим сосны по старинке, как в двадцать первом веке. Давным-давно никто на Земле не валит деревья так, как мы здесь, в «Малахите». Потому что давным-давно на Земле нет лесных делян.

Когда-то дерево нужно было и для промышленности, и для строительства, и в шахты, и на морские корабли. Когда-то из него делали бумагу и шёлк.

А сейчас древесина почти не нужна. Пластмассы и дешевле, и красивее, и прочнее. Из пластмасс можно сделать всё, что и из дерева. И даже намного больше. И лишь для ремонта дорогих старинных вещей и зданий, для выпуска стилизованных под старину книг по-прежнему нужно дерево.

Но его не валят для этого специально. Хватает санитарных рубок. Тех, которые необходимы лесу. Тех, без которых лес не может жить.

Больное или умирающее дерево сейчас привязывают к дирижаблю, срезают лазерным лучом и везут туда, где можно использовать. Оно не падает. И никакого треска нет, и никакого сору. И ни один сучок не пропадёт.

Так сейчас рубят лес на Земле.

Но на Рите пластмасс ещё долго будет не хватать. Пока там отыщут достаточно нефти... Пока наладят подземную газификацию угля!.. На Рите придётся строить из дерева дома и хозяйственные постройки, делать бумагу и ткани. Конечно, так будет не всё время. Так будет вначале. Но этого начала вполне может хватить на нашу жизнь.

И поэтому нас учат валить и разделять лес, и строить деревянные дома, и делать деревянную мебель.

Когда смонтируют на орбите наш звёздный корабль – «Рита-3», в него погрузят специальную машину для валки и разделки леса. Этаким небольшой лесозавод на ходу. Погрузят и немало роботов, которых тоже научат валить лес и строить дома.

И всё-таки машина будет лишь одна. А роботов будет не очень много. Строить же на чужой планете новых роботов вначале наверняка будет некогда.

В общем, мы должны уметь всё! Не хуже машин. Мы должны уметь всё и для себя, и для тех, кого нам понадобится учить. Мы ведь должны будем чему-то учить первобытных людей Риты.

...Итак, первая сосна свалена. Теперь надо прицепить к ней тросы, затем свалить ещё берёзу, ель, и ждать дирижабля. Он заберёт сразу всё, что будет свалено пятью звеньями на делянке.

Мы обвязываем сосну тросами и собираем их кольца вместе, чтобы быстрее подцепить к крюку, спущенному с дирижабля. Али снова вытирает пот со лба и говорит:

– Лет аз отдых!

– Давай, – соглашаюсь я. – Давай отдохнём!

Вообще-то я не устал. Но понимаю, почему устал Али. Он мёрзнет уральской осенью и поэтому неправильно регулирует температуру в электрокуртке.

Ничего! Отдохнём, и я посоветую ему убавить температуру.

Каково-то будет бедному Али первой зимой!

Мы садимся на ствол поваленной сосны и молчим, и слушаем лес.

Он шумит тихо, спокойно. Он шуршит падающими жёлтыми и красными листьями. Он окружает нас со всех сторон и укоризненно смотрит на дело наших рук – погибшее дерево.

И вдруг в негромкий спокойный ровный шум леса вонзается механический визг, и затем лес взрывается новым отчаянным треском ломающихся сучьев.

Это свершилось ещё одно убийство: свалило свою сосну третье звено, слева от нас.

Дорого обходится Земле наша учёба!

– Ты уже выбрал гёрл? – спрашивает Али.

– Ноу, – отвечаю я.

Али очень беспокоит эта проблема. Он второй раз спрашивает, выбрал ли я себе девушку.

А я всё не могу. Да и не я один должен выбирать. Она ведь тоже должна...

Здесь много девушек, пол-лагеря. Тысяча двести – светловолосых, рыжих, чернوبرых, весёлых, задумчивых, медлительных, темпераментных. Я никогда в жизни не видел столько красивых девушек сразу.

На одной из них надо жениться, если на самом деле хочешь улететь на Риту. На корабль возьмут только женатых. Исключений не делают, потому что на Рите такие исключения могут обернуться личными трагедиями. А там их и так не избежать. И поэтому здесь, на Земле, с самого начала заботятся о том, чтобы трагедий было как можно меньше.

На двух кораблях, которые ушли на Риту, улетели молодожёны. Только командиры кораблей были не очень молодыми. Но и они полетели с жёнами. Потому что на Риту улетают навсегда. Оттуда не вернуться – слишком далеко.

...В наш «Малахит» девушек отбирали не менее строго, чем юношей. Теперь я знаю, почему не взяли Таню, почему отказали Лене Буковой и поставили перед Женькой Верховым дилемму: либо разлучиться с Леной, либо отказаться от «Малахита».

Таню не взяли потому, что она тяжело болела. И хоть было это давно, в детстве, и хоть после этого Таня серьёзно занималась спортом – какие-то последствия болезни, видно, остались. И из-за них Таня могла не вынести долгого холодного сна, в котором астронавты проведут почти сорок лет ракетного времени, почти всю дорогу.

А Лена Букова была здорова. Её не взяли по другой причине. Мы все знали, что Лена часто бывает мелочной и вздорной, что любит передавать чужие разговоры. За десять лет учёбы из-за неё было немало ссор в нашем классе.

Это знали не только мы, знали и учителя. И, следовательно, члены комиссии.

А на Рите между землянами не должно быть ссор. Об этом тоже заботятся здесь, на Земле. И поэтому Лена не прошла. И если бы комиссия знала, как я «люблю» Женьку Верхову и как он «любит» меня, – кто-то из нас тоже не прошёл бы. Вероятнее всего, я. Потому что Женька знаменит.

Хорошо, что прошлой зимой я не взорвался, не стал выяснять отношения. Всё равно ничего не доказал бы. У Женьки коэмы были отработаны, отточены, хотя он и остановился на полпути. А я двигался дальше и не отработывал промежуточные стадии.

Но если бы я тогда поднял шум – не видать мне сейчас «Малахита» и его стройных красавиц!

Впереди ещё два года. Успею выбрать. Пока все девушки кажутся мне в чём-то одинаковыми – все хуже Тани. Конечно, это чепуха, все не могут быть хуже. Но так кажется.

А вообще-то, по-моему, это слишком жестоко: ради «Малахита» рвать чью-то любовь, ограничивать выбор. Может, мне понравится девушка вовсе не из «Малахита»? Зачем же давить на меня выбором: или любовь, или полёт на Риту?

Но я понимаю, что жестокость эта – вынужденная. Жесток сам опыт. Жестокими будут условия там, на чужой планете. Их не сравнить с условиями на Марсе или на Венере, куда сейчас практически могут лететь почти все. И поэтому на Риту берут нас, мальчишек и девчонок. Мы ещё способны по молодости вынести эту жестокость опыта. Людям постарше она может оказаться не по плечу.

– Мы с тобой тянем! – размышляет вслух Али. – А другие пока разберут лучших.

Он всё о девушках!

– Они все хорошие, – спокойно возражаю я. – Какую полюбишь, та и станет лучшей.

– Нет, не все! – Али горячится. – Я уже смотрел – беленьких совсем не так много!

– А тебе обязательно «беленькую»?

– Конечно!

– А мне – всё равно.

– Потому что ты сам «беленький»! А я себя знаю! Если женюсь на черноволосой – всю жизнь буду завидовать тем, у кого «беленькая». Но на Рите не должно быть зависти!

– Волосы можно покрасить, Али!

– Волосы – можно! Характер – нет! «Беленькие» – спокойные. Мне нужна спокойная жена! Я сам горячий!

Смешной этот Али! Умный, весёлый, отличный скульптор и монументалист – и смешной. Что-то в нём есть древнее – чересчур откровенное, обнажённое. В наших краях парни даже не думают так, как Али говорит.

Он любит лепить красивые фигуры. Уже здесь, в «Малахите», он вылепил две небольшие статуэтки – купальщицу и балерину. Прекрасные вещи! Ребята один за другим ходят в мастерскую к Али, чтобы посмотреть на них.

Я не раз думал: кто же был его моделью? Али не говорит об этом. А я, конечно, не спрашиваю.

Впрочем, может, здесь и не обязательна модель? Можно ведь вылепить мечту!

Наверно, Али и сам был бы прекрасной моделью для скульптора. Если бы я хоть немного умел лепить, непременно вылепил бы этого парня.

У Али точёный нос с маленькой горбинкой, слегка вытянутые вперёд пухлые, по-детски капризные губы. Его густые чёрные брови срослись над переносицей в сплошную линию. Я читал в восточных преданиях о красавцах, у которых брови срослись над переносицей. Но никогда не видел. Али – первый.

Он чуть ниже меня. Но меня всегда считали высоким. В нашем классе только Женька выше. Так что, в общем, у Али хороший рост. Но зато Али шире меня в плечах, и быстр и ловок, как тигр, и по его мускулатуре можно изучать анатомию.

Я тоже не слабак, и никогда не жаловался на свои мускулы. Но мне далеко до Али.

Интересно, какими видят нас обоих здешние девушки?

Али – яркий, смуглый, броско-красивый. У него цепкий и быстрый, как молния, взгляд. Рядом с ним я – блёклое пятно. У меня светлые волосы, и бледный, чуть красноватый северный загар, и веснушки на носу, и глаза – обычные, серые. А в детстве были голубыми.

И, наконец, Али талантлив. Всего месяц мы в «Малахите», но пластмассовое панно «Подвиг», созданное руками Али, уже украшает столовую, на скульптуры Али бегают смотреть чуть не весь лагерь, и талант Али уже признан здесь всеми.

А я? Никогда у меня не было никакого таланта. И даже немногие стоящие дела, которые я задумал – тедр-браслет да коробочки эмоциональной памяти, – так и не довёл до конца.

Чего же Али волноваться? Чего спешить? Он не из худших здесь...

– А может, тебе и не нужна тут девушка? – интересуется Али. – Может, ты ещё любишь ту?.. Которая приезжала... Её, наверное, не взяли в «Малахит»?

– Не взяли, – соглашаюсь я. Почему-то не хочется объяснять Али, что Лина и не просилась сюда. – Но это не моя девушка, Али. Мы просто друзья.

Али хмыкает и недоверчиво усмехается. Потом произносит:

– Она на тебя так смотрела!.. Нет, вы не просто друзья!

– Это тебе показалось, Али.

Он снова хмыкает и недоверчиво усмехается.

Конечно, ему не показалось, это и я понимаю. Но зачем всё объяснять?

Лина приезжала ко мне только один раз – десять дней назад. Мы долго бродили с ней по громадному парку «Малахита» и качались на качелях, и взлетали в небо в кабине пневматической катапульты, и потом обедали в нашей столовой, где я представил её своим новым друзьям.

После обеда мы бродили по осеннему рыжеющему парку уже втроём – с Маратом Амировым, который очень обрадовался, увидев Лину в столовой. Но потом Марат незаметно исчез куда-то, и мы опять остались вдвоём.

Это был очень грустный день, потому что он как бы подводил итог нашей так и не сложившейся любви. У любви должно быть будущее, тогда она может жить. А у нас с Линой будущего не было – с первого дня. И поэтому мы поссорились, не успев толком познакомиться. И хотя потом Лина сама вызвала меня, и поняла, и простила невольную мою бестактность в тот день – мы оба чувствовали полную обречённость наших отношений. Может, Лина и хотела бы, чтоб я отказался от «Малахита», ради неё. Но, разумеется, не говорила об этом. А если бы и сказала – ничто бы не изменилось. Видно, она чувствовала это, потому и молчала. Слишком немного нас связывало, чтобы я отказался ради неё от своей давней мечты.

Ещё если бы ради Тани...

Вообще, я слишком много думал о Тане, когда разговаривал с Линой.

Наверно, она и это чувствовала.

Может, потому и плакала, когда мы прощались. Не знаю. Но при мне держалась хорошо. И много шутила. И даже хохотала.

Но шутила – горько.

И зачем ей так не повезло?

Мы поцеловались с ней при встрече как старые друзья – быстро, легко, и на людях. А потом целовались вдвоём, прячась в парке от посторонних, уже совсем по-другому. Это были сладкие и одновременно горькие поцелуи. И не мог я ни удержаться от них, ни отказаться. Потому что впервые целовал девчонку безо всяких моих просьб и её разрешений. Просто потому, что нам обоим так очень хотелось.

В этом была сладость.

И в неизбежности близкого расставания была горечь.

Наверное, Лина не стала бы прятаться от посторонних, не в её характере. Оглядывался обычно я. И Лина не удержалась, съязвила:

– Ты словно боишься, что нас увидит твоя будущая невеста. Она уже наметилась?

– Если бы наметилась, – признался я, – мы гуляли бы сейчас втроём.

– Представляю, какая это была бы яркая радость для всех нас! – Лина усмехнулась. – Ты не чувствуешь чего-то отталкивающего в этом вашем обязательном кастовом браке?

– Он не обязателен, Лин. Я могу выйти отсюда и неженатым.

– ...Только не в ту дверь, куда тебе хочется, – продолжила Лина. – Самые типичные законы касты! И как ты этого не понимаешь?

Я промолчал. В Лине явно говорила обида на то, что «Малахит» ей никак не улыбался.

Под вечер, когда пора было расставаться, она тихо произнесла:

– Мне кажется, ты должен оставить на Земле свой след, Сандро: свои гены, свой род. Будет несправедливо, если Земля потеряет всё это с твоим отлётом. Ты не худший из людей. И я согласна стать матерью твоего ребёнка.

Она выдохнула это как что-то выстраданное, выношенное. Будто уже родила.

А я опешил. Никак не ждал такого отчаянного признания.

– Мы же будем несчастны, Лин, – вслух подумал я. – Все трое...

– Неправда! – горячо возразила она. – Мы с твоим дитём будем счастливы! Ребёнок будет гордиться отцом-героем. Ребёнок будет расти как дитя героя. Дети героев – обычно прекрасные люди!

– Во-первых, я не герой, не преувеличивай. И все мы тут не герои... А во-вторых, я всю жизнь буду мучиться от того, что не увижу своего ребёнка, не поддержу его... Особенно пока он мал и беспомощен...

– «Во-первых... во вторых...» – передразнила Лина. – Тебе никто не говорил, что ты эгоист? – неожиданно ледяным тоном поинтересовалась она.

– Кажется, ты первая.

– Хотя где-то я успела первой! – Лина усмехнулась. – Ну, пока, юный старичок! Думай, пока я не передумала...

Она по-дружески чмокнула меня в щёку и побежала к биолётам, стоявшим у ворот «Малахита». Отсюда до станции хайвэя – монорельсовой дороги – не так уж далеко.

Почему-то мне кажется, что она не приедет больше в «Малахит». Хотя я и приглашал. Десять дней назад мы, наверное, виделись с нею в последний раз.

А вот Таня сюда не заглядывала. И вообще никак не напоминала о своём существовании.

Когда думаю о Тане, кажется, что настоящее – позади. Конечно, будет когда-то другая девушка. И женюсь, наверное, иначе не пустят на Риту, и выходить придётся, как точно сказала Лина, «не в ту дверь». Но весь этот «кастовый», по её определению, брак заранее кажется лишь заполнителем той огромной пустоты, которая образовалась после Тани, и в которой совсем потерялась маленькая, отчаянная, сладкая и горькая Лина.

Иногда гадаю: что было бы, если б мы с Таней не расстались? Не видать бы мне «Малахита»! Ведь я давал слово. Давно, ещё в седьмом классе. Хотя Таня и не просила никаких обещаний. Но я никогда не нарушал своих слов.

Интересно, а как это решалось у Женьки Верхова?

Вначале мне показалось, что он не колебался, всё решил быстро. Потому что когда я пришёл на выпускной вечер, сразу увидел заплаканные глаза Лены Буковой. Она была очень нарядна, как всегда изящна и эффектна, но её большие зелёные глаза были измучены и полны отчаяния.

Немного позже я встретил взгляд Женьки. В этом взгляде было столько боли, что я поразился.

Впрочем, и Женька удивлённо глядел на меня. Ведь на вечере я ни разу не подошёл к Тане. Впервые. Наверно, Женька тоже прочитал что-то неожиданное в моём взгляде.

Но, в общем-то, ему было не до меня. Он торчал возле Ленки. А я был один. И мог наблюдать.

Главное я понял на том вечере правильно: Женька решился. Хотя, наверно, и не так легко, как показалось мне.

Тогда, на выпускном вечере, Женькина решимость мне нравилась. А сейчас она почему-то кажется жестокостью.

Конечно, Лена не была ангелом. Но кто из нас ангел? А Женьку она любила. По-настоящему. И на всё шла ради него. Когда он сломал ногу на трамплине, ещё в девятом классе, она сидела у него целыми днями. Даже перестала ходить в театральную студию. И сорвала там какой-то отчётный спектакль, потому что у неё была главная роль. Она знала, что за это её отчислят. Ибо актёр всегда должен быть актёром. Горе не горе, а играй! Лена не стала. И пожертвовала ради Женьки студией.

А может, и не только студией?

Видно, Женька был для неё дороже всего.

А она для него? Ведь и он её любил! Иначе откуда бы взялась та дикая боль в его взгляде? Я десять лет знаю Женьку Верхову. Но так и не понял, что для него дороже всего на свете.

Наверное, если бы я поступил с Таней так, как Женька с Леной, потом всю жизнь чувствовал бы себя предателем.

Но я не смог бы принести Таню в жертву «Малахиту».

А от Али потребовалась такая жертва?

– Скажи, Али, – тихо спрашиваю я, – у тебя дома, в Сирии, была девушка?

– Конечно! – отвечает Али. – Как же иначе? Я не могу долго без девушки. Жизнь пуста, скучна, когда рядом нет девушки! Только она делает жизнь полной, красивой! Если бы не было женщин, нам не нужна была бы ни планета Рита, ни спутники Юпитера... А искусство?.. Всё искусство на Земле создано ради любви, ради женщин! Если бы у меня не было девушки, я не мог бы работать! Ты видел хоть одного художника, скульптора, писателя, который мог бы творить без любви? Я – не видал! И считаю: без любви нет искусства!

– Ты, оказывается, поэт, Али! То, что ты сейчас сказал, это стихи.

– Может быть. Не знаю. Я сказал, что думал.

– А твоя девушка не захотела в «Малахит», Али? Или её не взяли?

Он мрачнеет и долго молчит. Я жалею, что спросил его. И хочу сказать ему насчёт куртки: убавь температуру.

Но Али отвечает:

– Я ошибся в ней, Сандро! Я считал: у неё не только прекрасное лицо и прекрасное тело. Я считал, что у неё прекрасная душа. Что у неё есть полёт фантазии, широта мысли... Она обо всём умеет говорить. Лучше меня! Она очень красиво обо всём говорит. Но записываться она не хотела. Она боится холода, боится космоса, дикарей боится – всего боится! «Я не мужчина, – говорит. – Я женщина. Я хочу жить в безопасности и играть с детьми». Я ей тогда ничего не сказал. Но всё равно сбежал бы от неё! Я считаю: не обязательно лететь. Но обязательно знать, что твоя любимая полетит с тобой хоть на Риту, хоть в Андромеду, хоть ещё дальше! А если уже знаешь, что не полетит, какая любовь?

Он умолкает на минуту, потом добавляет:

– Но ни о чём не жалею, Сандро! Зачем тосковать об ушедшей любви? Придёт новая! И будет не хуже. Новая любовь всегда лучше прежней.

Легко ему жить, если он так думает! А я вот, чудака, тоскую... Или я как-то не так устроен? Не зря же Лина назвала меня «минористой личностью»! Ей было ничуть не лучше, чем мне. А смеялась она в десять раз больше...

Али резко поднимается с поваленной сосны.

– Пойдём берёзу валить, – говорит он.

Я тоже поднимаюсь, кладу руку ему на плечо. Хочется сказать что-то очень ласковое, очень дружеское. Но говорю совсем другое:

– Куртку отрегулируй, Али. Она у тебя слишком сильно греет. Поэтому быстро устаёшь.

– Холодно будет! – возражает Али.

– Когда хорошо работаешь, не бывает холодно.

Мои последние слова заглушает визг электроклина. И сейчас же раздаётся оглушительный треск падающего дерева. Это Женька Верхов свалил берёзу.

10. Бирута

За волной
Налетает
Волна.
Нет ни берега
Здесь
И ни дна.
Ты, наверно,
Сидишь
У окна.
Ты грустишь,
Ты пока что
Одна.

Музыка льётся в зал сверху, из-под потолка, вместе со светом. Мы танцуем модный плавный танец «кондо». Мы танцуем его с Бирутой, прижавшись друг к другу. Мои руки лежат на её плечах, а её руки на моих. Плечи у неё мягкие и какие-то очень робкие. А руки – нежные, с длинными тонкими пальцами. Я даже не знаю, как можно такими пальцами валить деревья. А ведь Бируте, как и всем в «Малахите», приходится учиться этому.

Мы с Бирутой смотрим друг другу в глаза и улыбаемся, и мне хорошо и отчего-то тревожно, и кажется, будто никого больше рядом нет, будто мы вдвоём в этом зале, и хочется, чтобы плавный «кондо» никогда не кончался.

Мы купались
С тобою
В Оке.
Я держал
Твоё сердце
В руке.
А теперь
От тебя
Вдалеке
Я лечу,
Задыхаясь
В тоске.
Я лечу —
Только ночь в глаза.
Я лечу —
И вернуться нельзя.
Улетаю —
И тает след.
И лететь ещё
Сотни лет.

Мы впервые танцуем с Бирутой. До сих пор мы только вместе работали, вместе учились управлять лесодорожной и горнодорожной машинами. Да ещё на лыжах вместе бегали,

и я учил Бируту съезжать с гор. Она неважно ходит на лыжах. У них в Прибалтике дождливые зимы и трудно научиться. Не то что у нас, на Урале.

А сегодня на вечере Бирута сама пригласила меня на первый танец.

И мне радостно от того, что она сделала это сама. И тревожно, потому что боюсь какой-нибудь нечаянной неловкостью оттолкнуть её. У меня, к сожалению, есть такая нелепая способность...

Бирута – высокая и тонкая. Почти такая же высокая, как я. Чуть-чуть ниже. И волосы у неё такие же светлые, как у меня. И даже веснушки на носу. Только у меня веснушки крупные, а у неё – маленькие, крошечные. Очень симпатичные веснушки.

В общем, мы с Бирутой похожи, хотя глаза у неё и не серые, как у меня, а голубые – большие, удивлённые. Почти всё время удивлённые глаза. В «Малахите» кое-кто считал нас вначале братом и сестрой. Мы только переглядывались, когда нас спрашивали об этом. Почему-то мне тогда уже было приятно, что мы так похожи.

А сейчас мы танцуем и слушаем песню, которая пришла на Землю из космоса, которую написали в полёте астронавты корабля «Неман», вернувшиеся на Родину.

Мне мигают
Огни
Городов.
Машет ветками
Лес
Молодой.
Плещет море
Зелёной
Водой.
Светит
Солнце мне
Тёплой
Звездой.

Эту песню поют сейчас по всей Земле. И по всей Земле говорят о вернувшемся «Немане» и о тех планетах, которые открыли астронавты.

Их деды ушли с Земли намного позже «Урала» и улетели в другую сторону Галактического кольца. Эта экспедиция открыла немало планет, и на трёх из них есть жизнь в виде микробов. Но разумной жизни нет ни на одной.

Вот уже третья дальняя звёздная экспедиция возвращается на Землю. А другие высокие цивилизации так и не найдены. И вообще человек или другие разумные существа не найдены пока нигде, кроме Риты. И потому сейчас, после возвращения «Немана», снова вспоминают, снова говорят о подвиге астронавтов «Урала», которые принесли родной планете самое значительное космическое открытие за всю историю. И снова на экранах телевизоров, на страницах журналов вместе с незнакомыми лицами астронавтов «Немана» видны знакомые лица «уральцев».

И нет среди них лишь Михаила Тушина, главного героя моего детства, человека, который больше всех других рассказал землянам о далёкой Рите. Замороженный, бесчувственный, он летит сейчас где-то в безднах пространства к зелёной, красивой планете, которую открыли его родители.

Всё родное —
В безбрежной

Дали.
К Андромеде
Идут
Корабли.
И в космической
Чёрной
Пыли
Голубой
Не увидишь
Земли.

Я лечу —
Только ночь в глаза.
Я лечу —
И вернуться нельзя.
Улетаю —
И тает след.
И лететь ещё
Сотни лет.

Они, конечно, летали не к Андромеде, авторы этой песни, астронавты «Немана». Это пока фантастика – полёт к Андромеде. На субсветовой скорости туда не скоро доберёшься. А кораблей со сверхсветовой скоростью пока нет. И неизвестно, будут ли. И неизвестно, отыщутся ли на Земле астронавты, которые могли бы выдержать перегрузку при разгоне такого корабля. Человек, возможно, ещё не готов к ней. Человек сейчас сильнее, крепче и выше, чем когда-либо за всю свою историю. Самые высокие и сильные люди начала космической эры легко затерялись бы в сегодняшней толпе. Никто не обратил бы на них внимания, потому что сейчас почти все такие. Но выдержит ли сегодняшний человек разгон до сверхсветовой скорости, ещё неизвестно.

В конце концов, человек должен это выдержать. Иначе зачем природе создавать его? Но вот когда?

Было время, когда человек так же не знал, сумеет ли он перешагнуть звуковой барьер.

В моём родном городе есть громадный сквер. Триста с лишним лет назад на месте сквера было поле. Просторное, очень далёкое от города поле. И на нём был аэродром. Вначале – испытательный.

В середине двадцатого века, когда на западе от Урала шли тяжёлые бои с фашистами, с аэродрома поднимался на первом в мире реактивном самолёте весёлый и смелый человек. А немного позже он первым в мире приблизился к звуковому барьеру и стал первой его жертвой.

Он навсегда остался на этом поле, весёлый и смелый лётчик Григорий Бахчиванджи. Он стоит в мраморе посреди сквера и улыбается, и держит лётный шлем в руках, и неизменный уральский ветер треплет его непокорные каменные волосы.

У подножия памятника – всегда цветы. И имя лётчика давным-давно известно всему миру. В школьных учебниках по истории космонавтики его имя – одно из первых.

Прошло всего несколько лет, и лётчики привыкли к мысли, что звуковой барьер пройден. К концу двадцатого века даже грудных младенцев возили в самолётах со сверхзвуковой скоростью. Человечество перестало замечать бывший барьер.

А теперь учёные спорят о том, можно ли перешагнуть барьер скорости света.

Многие считают – нельзя. Многие считают, что и корабли такие в принципе невозможны.

Однако всё чаще и чаще сообщают о первых опытах по сверхсветовой транспортировке элементарных частиц. Не все опыты, правда, удачны. Но ведь на то они и опыты!

В общем, это нужно человечеству. И, значит, когда-то станет возможно. Что уж там Андромеда?! Даже к центру своей собственной Галактики человек ещё не летал – мала скорость. Немногие звёздные корабли обследуют лишь ближние участки Галактического кольца. Короче, пока ползаем по окраине. А разве для того появилось человечество, чтобы ползать по окраинам своего мира?

Я пройду
Через тысячи
Бед.
Я вернусь
Через тысячу
Лет.
Я не брал
Ожиданья
Обет.
Я вернусь,
А тебя
Уже нет.

Почему-то вспоминается Таня. Наверно, если я когда-нибудь и вернусь с планеты Рита, Тани уже не будет. Даже когда я совсем молодым опущусь на эту далёкую планету, Таня, уже пожилая, начнёт подумывать об Острове старости.

Как-то это не очень: танцую с Бирутой, я думаю о Тане...

Может, Бирута догадывается, что думаю я не о ней? Уж больно испытующий у неё взгляд!

Я вернусь
Через тысячу
Лет
Так хоть в чём-то
Оставь мне
Свой след!

Кончается плавный «кондо». Мы останавливаемся, и мне не хочется убирать руки с плеч Бируты. Мы так и стоим ещё несколько секунд посреди зала, обнявшись. И лишь когда все пары вокруг расходятся, мы тоже опускаем руки и уходим из центра.

И эти несколько секунд после танца говорят нам обоим больше, чем все прежние слова и взгляды.

Мы уходим с середины зала, сцепившись мизинцами. И я знаю: между нами существует тайна, которой не было пять минут назад. И я хочу, чтобы эта тайна росла, чтобы она стала огромной, чтобы она с ног до головы окутала нас обоих и отделила от остальных.

Снова раздаётся музыка, и снова мы танцуем с Бирутой. Знакомый густой и низкий голос Розиты Гальдос, лучшей певицы нашего «Малахита», звучит сейчас в зале:

...Это поле,

Что сроднило нас.
Это небо,
Что укрыло нас.
Этот ветер,
Что с любимых глаз
Унёс слезу...

Розита молча танцует где-то среди нас, а голос её живёт отдельно, голос её звучит сейчас над всем лагерем.

Впрочем, не только в «Малахите» знают её голос.

Розита очень молодая певица, но два раза уже выступала на фестивалях Северного полушария.

Я невольно отрываю глаза от лица Бируты и отыскиваю взглядом черноволосую красавицу Розиту.

И вдруг вижу её с Женькой. С Женькой Верховым! Они танцуют вместе.

Но они не просто танцуют. Они, кажется... как и мы с Бирутой...

Должно быть, у меня резко меняется лицо, потому что Бирута тихо и обеспокоенно говорит:

– Пойдём в парк! Хоть ненадолго!

– Пойдём! – отвечаю я. – На сколько хочешь!

Мы выходим в темнеющий парк, который дышит весной, шелестит майскими клейкими листьями и что-то обещает шелестом – светлое, радостное, настоящее.

– А на Рите не будет весны... – тихо говорит Бирута. – Как это можно... без весны?

– Мы сделаем себе весну сами!

– Как?

– Будем ездить.

– Не понимаю.

– Будем ездить к экватору. Соскучился по зиме – лети к полюсу. По весне – к экватору.

– Ты шутишь... А там это будет не так просто – лети туда, лети сюда...

– Ну, не сразу... Сделаем, чтобы стало просто.

– И всё равно это будет не то. Весна – это пробуждение. Оно не может быть постоянным. И вообще, Сандро, там будет сложнее, чем можно себе представить.

– Рута...

– Да?

– Не зови меня Сандро. Зови Сашей.

– Почему? Все тебя так зовут.

– Это пришло из школы. Невольно. А ты зови меня иначе.

– Твоя прежняя девушка звала тебя Сашей?

– Нет. Она меня звала не так. Но не надо о ней. Это умерло.

– Скажи точнее, – тихо произносит моя спутница, глядя себе под ноги. – Скажи: было убито. Я же видела!

– Что ты видела?

– Её. Ту девушку.

– Где ты могла её видеть?

– Зачем ты удивляешься, Саша? Она же была осенью в «Малахите». А я не слепая.

Теперь я понимаю, что она говорит о Лине.

– Это была не та девушка, Рута!

– Но она на тебя так глядела!

– И всё же это была не та девушка! Ты не могла видеть ту. Она не приезжала сюда. И не придет. Она давно забыла меня.

– Но помнит эта... Которая приезжала.

– А может, хватит о них? Я хочу, чтобы в моей жизни была только одна девушка – ты.

– Я тоже... Давно. Только ты не замечал...

– Рута! Мы... улетим вместе?

– Если возьмут.

– И ты... не побоишься?

– Я ничего не боюсь.

– Никаких опасностей?

– Опасности везде, Саша. Мы никогда не знаем точно, где опасно. Шальной метеорит может убить нас на улице, возле дома. Даже в доме. Подгнившее дерево может свалиться на голову в парке, в лесу. Свихнувшийся робот может пристукнуть нас в магазине. Это всё, конечно, маловероятно. Но не исключено. У меня своя теория, Саша. Она позволяет ничего не бояться. Потому что опасно – везде. Жить вообще опасно. Безопасно – не жить.

– Впервые слышу такую любопытную теорию.

– Значит, я способна делать для тебя открытия?

– Ты для меня вся – открытие!

...Потом, отпустив от себя Бируту и оторвав свои губы от её, я тихо спрашиваю:

– Мы не вернёмся в зал?

– Зачем? Чтобы ты выглядывал там других девушек? Я не хочу этого!

«А она ревнует! – вдруг понимаю я, – Это же здорово, что она ревнует!»

11. Отец

Я просыпаюсь среди ночи, не понимая – отчего. Гляжу удивлённо по сторонам и слышу негромкий низкий гудок. Это зуммерит на тумбочке мой радифон.

Странно! Он давно не будил меня ночью! Больше года. Только Таня могла раньше вызвать меня ночью.

Вынимаю из чёрной коробочки наушник, нажимаю кнопку.

– Тарасов слушает.

– Алик, это мама!

Слышу родной низкий, с детства любимый голос. Но голос непривычно дрожит и поэтому кажется незнакомым.

– Что случилось, ма?

– Сынок! Погиб папа! Взорвался цех... Прилетай домой! Мне очень плохо.

– Сейчас вылетаю, ма!

Выключаю радифон и лихорадочно одеваюсь. Потом спохватываюсь: надо известить начальника лагеря. Уйти из лагеря просто так не имею права, у нас жёсткая дисциплина. Да и самолёт не дадут без его распоряжения.

Я снова беру радифон и вызываю дежурного по лагерю.

– Дежурный слушает.

– Говорит курсант Тарасов. Мне нужен личный номер Кудряева.

– Зачем?

– Погиб мой отец. Мне срочно надо домой.

– Берите биолёт, выезжайте на наш аэродром, – говорит дежурный. – А я пока попрошу запрограммировать автопилота. Если понадобится, свяжусь с Кудряевым сам.

– Хорошо. Выполняю.

В носках бегу по лестнице двухэтажного коттеджа, чтобы не разбудить кого-нибудь грохотом ботинок. Обуваюсь на ступеньках крыльца и вскакиваю в биолёт. До аэродрома – семь километров. Но сейчас они кажутся семьюдесятью. Биолёт еле плетётся. Впервые в жизни жалею о том, что пассажиры биолёта не могут регулировать скорость. Знаю, что только это спасло на Земле миллионы жизней. Знаю, что именно эта особенность биолётов ликвидировала на всей планете дорожные аварии. Но сейчас я проклиная биолёт за осторожность. Я готов выскочить из машины и мчаться бегом, хотя понимаю, что это будет медленнее.

А на аэродроме вижу, что ехал всего три минуты.

Бегу по красной траве аэродрома, к домику дежурного техника. Впрочем, сейчас, в темноте, не разобрать цвета травы. Просто я знаю, что на аэродроме трава всегда красная, потому что этот цвет отпугивает птиц.

Техник, увидев меня, кивает.

– Да, знаю. Звонили. Пятнадцатый самолёт ждёт вас.

Снова бегу по красной траве, которая кажется сейчас чёрной, забираюсь в двухместный спортивный самолёт, пристёгиваюсь и вижу, что справа от меня вспыхнула дорожка зелёных огней. Кибер сам выруливает машину на дорожку, и через две минуты я в воздухе. Подо мной стремительно уносятся назад редкие ночные огни спящего «Малахита».

Вдруг я вспоминаю, что ничего не успел сказать Бируте. Завтра утром она начнёт искать меня. Зачем ей эта нервотрёпка?

Позвонить сейчас?

Вынимаю из кармана радифон и торопливо тычу пальцами в кнопки. Кажется, ткнул не туда... Заложить в память номер Бируты раньше не догадался. Ни к чему было – она же всё время рядом. А теперь путайся в десяти цифрах!

Пустопорожний я человек! Так и не закончил свои тедробраслеты! Как бы сейчас тедр пригодился!

Тедр забросил, коэмы забросил – не вылезаю из обычных заданий по электронике...

Наконец-то набрался нужный номер!

– Бирута Аугшкап слушает!

Милый, родной, чудесный заспанный голос!

– Рутик! Это я. Улетаю домой, говорю из самолёта.

– Что случилось?

– Звонила мама. Погиб отец.

– А-а!

– Рутик!

– Я жду тебя, Саша! Возвращайся скорее! Я люблю тебя! Помни об этом!

Её голос слабеет, уходит. Пройдена зона «Малахита»! У нас своя зона... Теперь надо набирать её с областным индексом. Уже двенадцать цифр. Тягомотина! Ладно, главное сказал...

Нужно теперь же, пока не поздно, пока мы ещё на Земле, вогнать тедр в средний, а не в самый крупный часовой браслет, и оставить его людям. Нужно теперь же закончить коробочки эмоциональной памяти! Впереди ещё год. И всё принципиальное решено. Можно успеть. Нужно успеть! И пусть потом обзывают меня продолжателем дела Евгения Верхового! Улечу и не узнаю... А коэмы останутся. И будут служить людям.

Каким я был идиотом, что не понимал этого раньше! Разве мог бы отец из-за таких причин отложить нужное людям дело?

Только сейчас я вспомнил об отце... Может, раньше боялся понять, что его уже нет?

Всю жизнь я мало думал о нём. Просто знал, что он всегда рядом. Где бы ни был я, где бы ни был он – он всё равно всегда рядом! Хотя за тысячи километров! Можно позвонить и посоветоваться. И получить безошибочный ответ. Не было такого трудного запутанного положения, из которого отец не нашёл бы выхода. Его уму я верил больше, чем самому безотказному компьютеру.

При этом отец ничего никогда не решал за меня. Он просто подсказывал выход. А то и два или три. А уж решать предоставлял мне самому.

Что может быть лучше?

Я видел, что ему не понравился мой разрыв с Таней. Отец, кажется, любил её, как дочку. Хотя никогда и не говорил мне...

Они с мамой ждали, что мы поженимся после школы, и не скрывали этого от меня... А я даже не объяснил им, в чём дело. Сказал только, что Таня, вероятнее всего, больше у нас не появится.

Я видел, что отец безо всякого восторга встретил моё решение лететь на Риту. Правда, вначале он считал его несерьёзным. А может, надеялся, что я не пройду комиссию.

Но и потом, когда я прошёл, он ни разу не пытался меня отговаривать. Ни он, ни мама не намекнули, что им это тяжело или обидно.

Не у всех такие родители! У Ленки Буковой, когда она записалась, были дома и слёзы и крик. Таня рассказывала... Ленка даже два раза убегала из дому ночевать в интернат, потому что не могла видеть слёз матери.

А у меня дома было тихо, спокойно. Будто ничего не случилось.

Я видел, что огорчаю отца в последний год. Но был благодарен ему за то, что он не говорил мне об этом.

А теперь отец не узнает, что я всё понимал. Не узнает, как я всегда любил его, как всю жизнь, с тех пор, что помню себя, он был для меня примером. Как всю жизнь я гордился им и тем, что он делает.

У нас в «Малахите», кажется, никто, кроме меня, не знает, что весь последний год отец работал на нас, на наш полёт, на наш корабль. Он создавал особую вязкую пластмассу, лёгкую и не пропускающую нейтронов. Пластмассу, которая могла бы заменить тяжёлую противорадиационную обшивку корабля.

На идею такой пластмассы московские химики вышли ещё в двадцать первом веке, создав «пластмассу скольжения». Из неё с самого начала подшипники можно было делать. Попытались применить её и для обшивки космических кораблей. И, действительно, нейтронные потоки «соскальзывали» с неё, если шли под любым углом, кроме прямого. Но при лобовом столкновении они эту пластмассу прошивали. Не было в ней необходимой вязкости. И поэтому удержать лобовые нейтронные потоки она не могла. И добиться этого тогда так и не сумели. «Пластмасса скольжения» осталась в космосе лишь в виде тонкого цветного защитного покрытия для слоя гафния, положенного на толстый слой циркония. В этих металлах нейтроны вязли.

Вот пластмассовую замену вязким металлам отец и искал. И, похоже, нашёл.

– Если я успею, – как-то сказал мне отец, – то вас улетит не шестьсот человек, а семьсот. И запасов у вас будет больше. И механизмов. Ты не представляешь себе, какая это страшная тяжесть – нынешняя металлическая обшивка звездолётов! И ведь приходится таскать! Без неё не спасут ни магнитные поля, ни антирадиационные таблетки.

– А успеют ли перестроить корабль? – спросил я. – Если ты успеешь...

Отец усмехнулся.

– Он уже перестроен, в проекте. И всё дополнительное собрано на космодромах. Перестройка займёт всего полгода. И даже если вас немного задержат, вы этого не заметите. Просто успеете больше узнать. И на Рите этого не заметят. Над нами ведь не висят жёсткие сроки. Важно сделать всё хорошо!

Я знал, что работа с новой пластмассой опасна. Отец никогда не говорил об этом, но я и сам не младенец. Понимаю, что значит создавать пластмассу, не пропускающую нейтроны. Ведь её надо без конца испытывать!

Правда, я и не думал о возможности взрыва. Понимал, что есть опасность облучения. Слышал, что от него спасают. Хотя оно всё равно сокращает жизнь. Даже после всех лекарств. А произошёл взрыв. И теперь отца нет.

Странно... Почему-то очень хорошо помню, как отец стоял надо мной по вечерам, когда я спал. Это было давно. Я был тогда совсем маленьким – ещё до школы и в первых классах.

Но всё равно помню, что если поздно вечером я открывал спящие глаза, надо мной обычно стоял отец, и мою голову гладили его сильные волосатые коричневые от загара руки.

Кажется, всё умели делать эти руки. Абсолютно всё, что могут делать мужские руки вообще.

Что же там случилось? Почему взрыв? Всю жизнь отец работал в химии, всю жизнь создавал пластмассы – и не было никаких взрывов.

А может, это ошибка? Может, кто-то что-то напутал? Может, я сейчас ворвусь домой, а отец уже там, и у мамы – ещё заплаканные от потрясения глаза? И когда я наконец прилечу? Сколько можно тащиться в этой тьме?

Гляжу на часы. Уже двенадцать минут в воздухе.

– Скоро прилетим? – спрашиваю в микрофон на пульте.

Металлический голос автопилота отвечает:

– Через десять минут.

– Почему так долго сегодня?

– Встречный ветер.

Я с тоской думаю, что от аэродрома ещё мчаться и мчаться через громадный город на биолёте. Пока доберусь!

А может, найдут свободный вертолёт? Всё быстрее...

– Как вызвать дежурного по аэропорту? – спрашиваю я в микрофон.

– Соединяю, – отвечает металлический голос кибера.

– Дежурный слушает, – раздаётся в динамике пульта.

– У вас отыщется свободный вертолёт? – спрашиваю я. – До академгородка.

– Вы из «Малахита»?

– Да.

– Найдём.

Значит, туда уже звонил дежурный по лагерю или дежурный техник с нашего аэродрома. И, значит, вертолёт будет. В наше время даже последние дураки из всех сил стараются выполнять обещания. Впрочем, от дураков я отвык. В «Малахите» их нет. Ни среди курсантов, ни среди воспитателей. И, может, в этом отношении наш лагерь – росток общества будущего. Того идеального общества, в котором вообще не станет дураков, потому что люди полностью научатся управлять наследственностью.

Уже сейчас биологи с большой вероятностью могут заказывать себе сына или дочь. Скоро, совсем скоро это смогут делать все. Юмористы предсказывают, что это может привести к значительному избытку мужчин на Земле. А когда можно будет заказать не только пол, но и интеллект ребёнка, кто же пожелает видеть своё дитя дураком?

Вертолёт на аэродроме меня ждёт. Сигнальные посадочные огни ведут прямо к нему мой самолёт, и я, по существу, прыгаю из кабины в кабину.

– В академгородок? – уточняет по радио диспетчер.

– Да, – отвечаю я. – Тридцать седьмой дом.

Номера домов написаны на крыше светящимся составом. Их видно ночью с большой высоты. Фотоэлемент автопилота быстро найдёт нужный. Да и я не прозеваю.

И вот я лечу над спящим городом.

Даже в темноте по тонким цепочкам огней я узнаю кварталы.

Вон в том, почти тёмном сейчас квадрате, слева от Лаврентьевского шоссе, стоят среди соснового леса старинные двухэтажные особняки. Это дачи Уральской академии наук. Отец здесь и отдыхал и работал – писал книги о пластмассах. А я иногда приезжал сюда с мамой на биолёте. И отец даже зимой выбегал нам навстречу с непокрытой головой, и потом мы играли в снежки, и катались на лыжах, и пили горячий кофе в снежном гроте.

А летом я собирал тут грибы. Прямо возле особняка, под соснами. И землянику собирал. И хватал за хвосты ящериц. И удивлялся, что хвосты остаются в руках.

А вот здесь, на Ушкуйских горах, где ночные огни завиваются плотной спиралью, отец любил прыгать с трамплинов. Как здорово он летел в воздухе, прижав руки!словно голубая ракета!

Он долго учил этому искусству меня. И научил, хотя я вначале боялся. И теперь я прилично прыгаю. Но почему-то так и не полюбил прыжки с трамплинов.

А потом мы здесь катались на лыжах с Таней. И я тоже учил её прыгать с трамплина. И она тоже вначале боялась. А потом привыкла и прыгала не хуже меня. Человек привыкает к опасности и перестаёт замечать её, если хоть несколько раз преодолел свой страх перед нею.

...Теперь огни внизу идут чёткими строгими прямоугольниками. И в середине каждого прямоугольника светится яркая, хорошо видимая сверху цифра – номер квартала.

Здесь самые новые жилые кварталы в нашем городе. Они построены на месте древнего разбросанного завода, который начали сносить, когда я бегал в пятый класс.

Эти кварталы называют «Городком молодожёнов». Потому что первыми поселились тут три тысячи только что созданных семей. И сейчас молодые семьи селятся и селятся в этих кварталах. Всем молодожёнам предлагают здесь удобные, самые удобные в городе квартиры. И многие переезжают сюда. Даже из центра.

Отец как-то рассказал, что люди великого двадцатого века мечтали о таких просторных городках молодожёнов, где каждая молодая семья могла бы свободно получить квартиру.

Очень многие так и не дожили до свершения этой мечты.

А отец мечтал о пористой, продутый гелием пластмассе, которая была бы легче воздуха. О пластмассе, из которой можно строить воздушные острова.

Кто же теперь найдёт такую пластмассу?

12. Мама

На гладком белом постаменте стоят серые урны. Двенадцать серых урн. Маленьких. Обтекаемых, как ракеты. И на каждой урне – красные буквы. Двенадцать фамилий. И одна из них моя.

Звучит траурная музыка – старинная, печальная. Подходят люди и молча кладут к постаменту цветы. Много людей. Много цветов. И ни одного слова. Зачем слова? Разве кому-то что-то непонятно?

Мы стоим перед постаментом. Мама и я, и ещё женщины, мужчины, старики, мальчики и девочки – семьи погибших.

В двух шагах от меня – девчушка с чёрными бантиками в льняных косах. Дочка папиного помощника. Ей всего пять лет, а на ней уже чёрная накидка, чёрные бантики. Эта девочка слишком рано увидела, что такое траур.

Наверное, она не понимает, что в этой маленькой серой ракете – всё, что осталось от её папы. Ведь он был таким громадным, громогласным и неуклюжим, как американский медведь гризли. Мой отец в шутку так и звал его – «Гризли». Разве может такой большой папа втиснуться в такую маленькую ракету?

Этой девочке, наверно, трудно стоять неподвижно. Ей хотелось бы сейчас попрыгать, поиграть с этой непонятной серой ракетой, на которой написана фамилия.

Но девочка только осторожно поглядывает на окружающих и бесшумно переминается с ноги на ногу.

Лишь спустя много лет она поймёт то, что видит сейчас. Лишь спустя много лет будет горько плакать над этим.

Мы до сих пор не знаем, почему произошёл взрыв во время испытаний уже готовой пластмассы.

Да и что можно узнать, если от цеха остался один пепел?

Двенадцать горстей этого пепла лежат сейчас в двенадцати урнах. И, по существу, мы хороним не прах своих близких. Мы хороним символы.

Мама стоит прямая, бледная и неотрывно смотрит на урны. Я держу её под руку, но чувствую, что ей это совсем не нужно.

Она не пошатнётся, не упадёт, она выстоит так до конца – столько, сколько потребуется.

И вдруг я понимаю, что мама моя – удивительно крепкая женщина. Наверно, даже крепче меня, молодого здорового парня. Наверно, она сможет вынести и то, чего я бы не вынес.

Откуда в ней это? Почему она способна всё вынести и никогда ничего не боялась? Почему отец тоже никогда и ничего не боялся?

Я всегда слишком мало думал об отце. Слишком часто убегал от него по срочным мальчишечьим делам в те редкие минуты, когда у него было для меня время. И даже когда-то увёртывался от его поцелуев. В десять лет я считал себя взрослым мужчиной и стыдился, что меня целуют. И мама потом рассказывала, что отец, понимая это, стал целовать меня только спящим.

Как теперь будет жить мама? Чем будет жить? Ведь я тоже скоро улечу. Навсегда!

Всё отняла у мамы планета Рита. И мужа, и сына...

А может, мне не лететь? Может, остаться? Только из-за мамы! И уговорить Бируту?..

* * *

– ...Ни в коем случае не насилуй себя, Алик! – Мама говорит это спокойно, тихо. Она кажется внешне очень спокойной сейчас, дома, после похорон. Она сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и курит. Я впервые вижу, что мама курит. Никогда у нас не было дома ни папирос, ни зажигалок, ни пепельниц. Они были не нужны.

– Ни в коем случае не насилуй себя! – твёрдо повторяет она. – Хочешь – обязательно лети! Живи так, как хочешь! Ведь человек живёт один раз. И хуже нет, когда он себя насилует. А особенно в молодости... Мы с папой в молодости жили так, как хотели. И поэтому всю жизнь были счастливы.

А я так мало знаю об их молодости.

– Может, ты расскажешь, ма?

– ...Знаешь, тогда создавались первые подлёдные посёлки Антарктиды. Те, которые сейчас снабжают весь мир самыми дешёвыми алмазами. А в то время говорили, что безопаснее добывать алмазы на Марсе, чем в подлёдных посёлках. Ведь лёд Антарктиды всё время движется! Над нашим посёлком он проходил по метру в сутки. Представляешь? Это ведь очень много. И, главное, лёд шёл неравномерно. Рывками.

– Ма! Но ведь посёлки охраняются тепловыми лучами!

– Сейчас это надёжно! А тогда – то перебои с энергией, то потопаы от тающего льда. Малейшая неисправность в автоматике – и заливают шахты, дома. Или наоборот: лёд надвигается на сферу, и она жутко трещит над головой. Ничего не помню страшнее, чем треск сферы над головой... Потом всё отрегулировалось, устоялось... А тогда было очень опасно!

– И гибли?

– Гибли, Алик! Многие! И многие – зря! Из-за халатности, легкомыслия. Так уж, видно, устроен человек: ни одно великое дело не может совершить без жертв, и большинство этих жертв – по неосторожности. В посёлках люди не могли быстро привыкнуть к опасности. К опасности постоянной, ежеминутной. Ведь приезжали из городов, где всё безопасно. И хотя знали, что в посёлках гибнут, – ехали и ехали. Добивались, пробивались... Трудно было туда попасть!.. Меня мама не пускала – кричала, плакала. Но я всё равно уехала. Отлично всё помню! Поэтому никогда не пытались отговаривать тебя.

– А хотелось?

– Любой матери хочется, чтобы дитя всегда было рядом! Но для этого его часто надо искалечить!.. Да... Так о посёлках... Наш был в горах Голицына. Между Мирным и Пионерской. Один из первых посёлков. И я оперировала в нём своих первых больных. Папа там начинал работу над пластмассами. Он искал надёжную сферу. Более надёжную, чем металлопластовая.

– И нашёл?

– Её нашли другие. Его друзья. Их было много. Целый выпуск института пластмасс. И все искали. Какие ребята там были! Какие отчаянные парни! Они испытывали пластмассы за сферой. Вылезали под лёд и ставили маленькие сферы из своих пластмасс. И каждый раз не знали: вернуться обратно или нет. В мастерских делали специальных роботов, но слишком медленно, а ребята не хотели ждать. И один из них не вернулся. Шарль Буассе. Он был очень весёлый и красивый. Самый красивый из ребят! Его раздавило льдом. Когда его хоронили, я не могла смотреть. А ведь я хирург. Папа там сломал ногу. Тоже за сферой. Это было ещё до Буассе. Потом выходить запретили. Приказали ждать роботов. Но ребята всё равно вылезали. Тайком. Потому что очень нужна была новая сфера. Мы ведь больше года жили под сферой экспериментальной. Тогда не раздавило ни одного посёлка. Но могло раздавить любой. Нам просто везло – тем, кто были первыми. А гарантий у нас не было никаких. Всё делалось

впервые, какие уж тут гарантии? Потом, когда мы вернулись, нам завидовали, нас встречали как героев. И права поехать в эти рискованные посёлки добивались тысячи людей. Я читала, что так же в двадцатом веке тысячи людей добивались права первыми полететь в космос. Это ещё тогда, когда вообще неизвестно было, можно ли из космоса вернуться живым. Видно, это свойство нормального молодого человека – идти на смертельный риск ради блага людей, в интересах общества. Если бы у людей не было этого свойства – может, они не стали бы людьми? Поэтому, Алик, я и говорю тебе: не насилуй себя! Желание улететь, это нормальное желание. Естественное. Конечно, я была бы спокойнее, если бы рядом с тобой была Таня. Я очень верила в Таню! А теперь я не знаю, кто будет рядом с тобой...

– Она хорошая, ма! Она надёжная!

– Значит, она уже есть?

– Её зовут Бирута. Ты можешь быть спокойна, ма!

– Мне хотелось бы с ней познакомиться!

– Конечно! В первый же отпуск мы приедем вместе! Я бы даже сейчас её вызвал...

– Сейчас не надо! Сейчас трудно. Ты не обижайся.

– Что ты, ма!

– Знаешь, Алик... Я давно хотела тебя спросить... И как-то всё не решалась... Ну, сейчас ты, наверно, скажешь... Почему у вас так получилось с Таней? Только потому, что её не взяли в «Малахит»?

– Ма! Как можно?! Я и сам бы отказался! Но она дала мне такое письмо...

– Какое?

Я рассказываю маме о том письме, и она слушает молча, не перебивая, а когда я кончаю, тихо говорит:

– Что-то я не очень верю этому письму.

– Ма, Таня не умеет лгать! И потом я видел их вместе... Не раз.

– Когда?

– Ну, тогда. После письма.

– Это ни о чём не говорит, Алик. Совершенно ни о чём не говорит! Впрочем, теперь уже об этом, кажется, поздно думать?

13. Сорок минут в ионолёте

Ах, думать о чём-то никогда не поздно! И об этом – тоже. Даже если бессмысленно думать, если ничего нельзя изменить – да и не хочется менять!

Мы с Бирутой давно женаты. Мы полетим вместе на Риту – уже известно, что мы попали в число астронавтов. А Таня давно изучает в Кембридже историю американской и английской фантастики. Не знаю только, где Олег Венгров. Может, там же, в Кембридже, с Таней. А может, ещё где. Я никого не спрашиваю о нём, и никто мне о нём ничего не говорит.

Странно: у меня нет никакой обиды ни на Таню, ни на Олега. Та боль, которую я испытал когда-то, не вызвала обиды. Я даже уверен, что всё получилось к лучшему. Кажется, смог бы сейчас совершенно спокойно пойти с ними обоими в парк или на выставку, или посидеть в кафе. И, конечно, чтобы с нами была Бирута. Чтобы Таня могла увидеть, какая Бирута весёлая и красивая, какая она умная. Чтобы Таня могла понять, как Бирута любит меня.

Наверно, это мог быть довольно интересный вечер – вчетвером. Но, конечно, он не нужен. Потому что был бы болью, для всех. Только сейчас я смог бы выдержать эту боль. А раньше – не смог бы.

С каждым днём подготовки к отлёту Таня и всё, что связано с ней, уходит дальше и дальше. Уходит навсегда, безвозвратно. Всё быстрее и явственней надвигается пропасть, которая никогда и ни за что не позволит мне ни увидеть Таню, ни что-либо узнать о ней.

Как в той песенке:

Я вернусь
Через тысячу лет.
Так хоть в чём-то
Оставь мне свой след!

Только я не вернусь!

И следа не увижу...

Может, это вообще свойство человеческой психики: много думать о том, что ушло или уходит безвозвратно?

Помню, как поразила меня одна небольшая запись, случайно сделанная на обложке журнала три сотни лет назад и так же случайно обнаруженная мною.

Я готовил в девятом классе доклад о второй мировой войне двадцатого века. Меня с детства тянул к себе двадцатый век. И не раз наплывали какие-то грустные минуты, когда я жалел, что не родился в том бурном, мятущемся, безжалостном, непрерывно ищущем веке. Тот век породил новое общество, новый мир, новый социальный строй, который позже победил на всей планете. В том веке человечество впервые осознало себя единым коллективом, живущим в одном, не очень большом доме. А до этого ведь понятие «человечество» не распространялось дальше своего племени, своего народа. В том жестоком залитом кровью веке человечество впервые выстрадало всеобщую святую ненависть к войне, всеобщую решимость покончить с нею навсегда, на все будущие времена. В том веке впервые родилось истинное братство народов, которое затем стало законом жизни всей планеты. И, наконец, в том веке человек впервые вышел в космос и ступил на почву других планет. Короче, тот век был переломным. Всеобщая, единая история человечества началась с двадцатого века. А до этого была история отдельных племён, стран и народов.

И поэтому я редко пропускал книги о двадцатом веке. Я всегда старался прочитать о нём как можно больше. А в школе, когда распределяли темы для самостоятельных работ,

обычно выбирал что-нибудь по двадцатому веку. В девятом классе это был обзор второй мировой войны.

Я прочитал тогда очень много о войне и знал столько, что хватило бы, наверно, на три школьных доклада. И в какой-то из последних вечеров работы в библиотеке я перелистывал старинные журналы с записками русского посла в Англии. Это были записки о борьбе за второй фронт – небольшая деталь в истории войны. И опубликованы они были через двадцать лет после неё.

Записки, конечно, были очень интересны. Но ничего из них я так и не скопировал – было собрано уже слишком много материала. А вот рукописную полувыцветшую запись на синей обложке журнала почему-то захотелось сохранить в памяти. Чем-то тронула эта случайная запись человека, пережившего ту страшную войну. И я отпечатал её на ксероксе и помню до сих пор.

«Это не очень понятно... – писал неизвестный человек. – Хотя война всё дальше уходит в прошлое, она вспоминается не реже. Ничуть не реже, чем раньше. Даже, пожалуй, чаще. Тогда, сразу после войны, о ней хотели забыть, старались не думать. А теперь думается.

О ней может напомнить неожиданно попавшая в руки книга тех лет, изданная на толстой грубой ломкой бумаге, или залежавшееся в книге пожелтевшее военное письмо, сложенное треугольником, с чернильным штампом возле адреса: «Просмотрено военной цензурой» и со старательно вычеркнутыми строчками, или чудом сохранившиеся хлебные карточки – декабрьские, за сорок седьмой год – последние хлебные карточки... И просто так вспоминается – безо всяких поводов, потому что всё в этой войне было трудно, больно и страшно, но ясно, определённо и чисто. Неясности начались потом».

Короткая запись. И грустная. И неизвестно зачем сделанная. И, может, поэтому трогает. И помогает понять что-то в сегодняшних моих чувствах и мыслях.

Думает ли обо мне сейчас Таня? Ведь она знает, что я лечу – имена астронавтов недавно объявлены всему миру.

Видимо, никогда мне не узнать, думала ли она обо мне в эти последние мои месяцы на Земле.

Впрочем... Если бы не думала, разве думал бы о ней я? Да ещё столько! Ведь казалось, уже почти забыл её. Ничего о ней не напоминало. И вдруг такое!

Из-за этих мыслей не читается в ионолёте, хотя обычно я в этой машине читаю. Здесь нечего больше делать: ионолёт всё время идёт высоко над облаками, на такой высоте, с которой даже и без облаков ничего на земле не разглядишь.

А сейчас журнал, который я взял в дорогу, лежит на коленях, и прочитаны всего две страницы.

Я лечу к Бируте. Уже больше недели её лицо улыбалось мне только с небольшого экрана видеофона, и я страшно соскучился по её глазам, рукам, по её ночному шёпоту, по ласкам.

Каждый вечер, заканчивая разговор по видеофону, Бирута напоминала:

– Так ты не забудь написать мне письмо! Или сегодня же вечером, или завтра утром. Обязательно!

Ещё улетаю к родителям, в Прибалтику, Бирута взяла с меня слово: каждый день писать ей письма. Несмотря на то, что мы каждый вечер будем разговаривать. Странность, конечно! Каприз! Но я писал – мне приятно выполнять её капризы.

Я хочу сейчас думать только о Бируте, а думаю почему-то больше о Тане. Странно устроен человеческий мозг! Постигают-постигают его и, казалось бы, давно постигли, а управлять им как следует не могут. И по-прежнему, как во времена древнейшего врача Галена, «мы не вольны в течении наших мыслей, так же как в обращении нашей крови».

А может, это и хорошо, что «не вольны»? Может, в этом и прелесть?

Остаток отпуска я проведу с Бирутой в Прибалтике. Ещё целые три недели мы будем жить у её родителей в Меллужи, и бродить по сосновым лесам, и валяться на золотом песке у моря. Целые три недели! Сейчас кажется, что это – вечность. Но пройдут они – покажутся мигом.

А девять дней отпуска я провёл дома. Хотя теперь и дома-то, по существу, нет. Потому что те немногие вещи, которые очень дороги нам с мамой, и в которых для нас суть дома, мы упаковали и отправили на космодром. Их переправят оттуда на Третью Космическую и уложат в трюмы «Риты-3», нашего корабля. А в доме будут жить другие люди, и выкинут наверняка наши старые вещи, и поставят свои.

Правда, это будет не сейчас, а позже – когда мы с мамой улетим.

Мама полетит вместе с нами. Ей разрешили это в виде исключения, из уважения к памяти отца. И ещё – в благодарность за то, что она вернула человечеству тайну последней отцовской пластмассы. Ту тайну, которую считали погибшей вместе с отцом и с цехом, где пластмасса испытывалась.

Целый год мама перебирала в папином кабинете бумажку за бумажкой, прослушивала плёнку за плёнкой, изучала память отцовского компьютера. Целый год, плохо разбираясь в новейшей химии, искала то, над чем бился отец: состав пластмассы, совершенно не пропускающей радиоактивные потоки.

Мама никому не говорила об этой работе, ни у кого не просила помощи, никого не хотела отрывать от дела. Даже я в «Малахите» узнал о том, что сделала мама, только из последних известий по радио.

Она расшифровала все путанные исчерканные черновики отца. Она нашла все последние формулы, разобрала торопливые сокращённые и запутанные записи, которые сделал отец в последний вечер, перед уходом на то роковое испытание.

И теперь лаборатория, которой руководил отец, завершает дело. Там начали было всё заново. Но мамин труд позволил им перенести работу с первого сразу на последний этап.

И хотя наш корабль полетит ещё с прежней, тяжёлой обшивкой, на следующем корабле её уже не будет. Следующий корабль обошьют отцовской пластмассой, и он будет легче, и людей возьмёт намного больше.

Пластмасса оказалась не виноватой во взрыве цеха, который погубил отца. Испытание недавно повторили на новом оборудовании – и всё прошло нормально. И пластмасса не пропустила нейтронов. Видно, в старом цехе просто свихнулся один из киберов. А пластмасса – надёжная. Отец не зря работал.

Вернув пластмассу людям, мама отправится с нами. И будет на Рите больше одним врачом. И будет на Земле одной вдовой меньше.

Сейчас мама где-то на пути к Антарктиде. Она решила слетать на прощание в тот подлёдный посёлок, где добывают алмазы и где работали они с отцом.

Оттуда она полетит на Огненную Землю и затем – в Рио-де-Жанейро, на любимый свой пляж, где также многое для неё связано с папой. А потом проведёт недельку дома. И это наверняка будет самая тяжёлая для неё неделя – в пустом доме, где остались лишь старый бездушный робот Топик да воспоминания.

По-моему, не нужно маме этой недели. Но мама так решила, и я не посмел её отговаривать.

Чудно! Даже не верится, что через какие-нибудь два месяца мы будем на Третьей Космической станции, где монтируются и откуда уходят корабли на Риту. Что через три месяца мы будем застывшими льдинками в каютах затерянной в Бесконечности «Риты-3». Совершенно не верится в это!.. То есть мозг понимает, что это – будет. Но чувства пока не принимают. Словно подобное должно случиться с кем-то другим, не с тобой.

Интересно, у всех так или только у меня? Надо будет спросить у Бируты. Или у Али.

Он тоже летит – мой дорогой горячий Али. Летит вместе с Аней Кузьминой, беленькой-беленькой вологодской девчонкой, которая стала его женой и подругой Бируты.

А вот Марат Амиров не попал в список. Даже не понимаю, почему. Он в пятёрке сильнейших историков «Малахита». Но попали только двое из них. Может, на Рите, по земным представлениям, пока не требуется много историков? Правда, Марат и его жена Ольга – первые в списке дублёров. Но это небольшое утешение. Придётся ли кого-то дублировать? Кто откажется от полёта? Разве что случится несчастье...

Впрочем, загадывать рано. Пока объявлены почему-то только пятьсот восемьдесят фамилий. А полетят шестьсот человек.

Как это ни странно, но летит и Женька Верхов. И с ним – Розита Гальдос, красавица-кубинка, лучшая певица нашего лагеря.

Весь «Малахит» с первых дней восхищался Розитой. Столько парней крутилось вокруг неё! И хотя я никогда не был в их числе, Бируте почему-то долго казалось, что меня в их число тянет.

Это были чудесные парни, и я не могу понять, почему Розита выбрала Женьку.

Правда, Женька держался в «Малахите» очень спокойно и солидно. И вполне профессионально работал в лагерной киберлаборатории. Но работал без блеска, без выдумки – ни одной новой идеи. Впрочем, ничего другого я и не ждал от него.

Он явно не добивался здесь славы, как добивался её в школе – яростно и беззастенчиво. Он охотно аплодировал другим – например, Али, который не раз будоражил «Малахит» своими новыми скульптурами и декоративными панно.

У Женьки уже была готовая слава талантливого изобретателя, и многие ждали от него новых изобретений, и я не раз слышал, как его спрашивали:

– Над чем работаешь сейчас?

Женька в таких случаях загадочно улыбался и отвечал:

– Если получится, узнаешь. А не получится – чего болтать?

Он был скромн. Он так и держался – скромным гением. У него это получалось.

Но я был совершенно, абсолютно уверен, что ничего нового он не выдумает, ни над чем в одиночку не бьётся.

Зато бился я. После гибели отца, после того, как всё определилось и накрепко сложилось у нас с Бирутой, я работал очень много и сделал всё, что должен был сделать на Земле.

Три месяца назад я передал Уральскому промышленному управлению радиопоны-браслеты с памятью на двадцать номеров. У них размер стандартных часов. Их пробную партию обещали изготовить к нашему отлёту. Мы увезём их с собой. И испытаем на Рите.

Сказали об этом по радио, и Женька Верхов первый подошёл и поздравил:

– Вот видишь. И ты добился! Я рад за тебя!

Довёл я до конца и коэмы. У меня уже есть пять штук с обратной связью – от коэмы в мозг. Но о них я пока не говорю. Не хочу шума. Не хочу, чтобы объявили меня последователем или даже учеником Евгения Верховова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.